БОЛЬШЕВИК

№ 15

№ 15

15 АВГУСТА

1925

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА"

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 15 АВГУСТА 15

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК РКП

1 9 2 5
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

Главлит № 42671. Москва. Тираж 40.000.
Тип. Изд-ва „Правда“ и „Беднота“, Яузский мост, Серебрян. наб., д. № 23а.

Новый поход против СССР.

Многое говорит за то, что «передышка», которую Советские республики получили с конца 1920 года, когда был разбит последний ставленник контр-революции—ген. Врангель и была закончена русско-польская война, что эта «передышка» близка к концу и что рабочему классу Советского Союза предстоит новый период тяжелых испытаний. В центре международных событий стоит снова вопрос о создании единого фронта капиталистических стран и об организации нового похода против СССР. Этот вопрос обсуждается теперь на страницах капиталистической прессы, в парламентах и на секретных заседаниях правительственных кабинетов. Он является также предметом дипломатических переговоров. При помощи лжи и клеветы, страшных сказок о «большевистских агентах», рыскающих с бомбами и ядом в руках по всему свету, путем фабрикации и использования фальшивых документов, ведется соответствующая подготовка общественного мнения, и создается почва для враждебных выступлений против Советских Республик. Инициатива в этом деле принадлежит консервативному правительству «его величества короля» Англии.

Что же заставляет капиталистические страны от политики деловых соглашений с Советским Союзом переходить теперь к политике открытого наступления на него?

Два обстоятельства имеют, повидимому, решающее значение: это—внутренняя «стабилизация» СССР и рост его влияния на рабочий класс Запада и на колониальные народы.

Надежды буржуазии на то, что русский рабочий класс не справится с задачами хозяйственного восстановления страны, и что мирные условия разложат большевизм,—эти надежды потерпели жестокое крушение. Пятилетняя «передышка» была использована русскими рабочими превосходно: продукция промышленности и сельского хозяйства приближается к до-военному уровню, налажен железно-дорожный транспорт, достигнуто равновесие бюджета и осуществлена денежная реформа. Прекрасный урожай этого года, который в наиболее хлебородных областях, как, например, на Украине, превосходит средний урожай до-военных лет, дает уверенность, что в предстоящем 1925/26 хозяйственном году и в области промышленности, и в области сельского хозяйства будет достигнут до-военный уровень. Притом рост хозяйства

сопровождается усилением удельного веса социалистических элементов. Таким образом, русские рабочие доказали практически, что они не только в силах отстоять свою власть от покушений контр-революции, но что они способны поднять свою страну из бездны нищеты и разорения и вести ее к социализму. Все это не может не оказывать глубокого впечатления на пролетариат Западной Европы, свидетельством чему является отчет делегации английских трэд-юнионов и заявления франко-бельгийской, германской и шведской рабочих делегаций. Самым фактом своего существования, укреплением своего хозяйства и под'емом благосостояния населения, СССР, чем дальше, тем больше, «агитирует» за социализм и революцию, будит волю к борьбе в сердцах рабочих. Именно поэтому ненависть к Советскому Союзу начинает побеждать в головах капиталистов соображения о выгодах деловых сделок с ним; именно поэтому они начинают пускать в ход такие средства, которые—как, например, закрытие кредитов нашим хозяйственным органам—могут нанести удар восстанавливающемуся хозяйству СССР.

Вместе с тем по мере укрепления СССР растет и его влияние на колониальные народы, прежде всего на смежные с ним народы Азии. Для колониальных народов Советский Союз является живым доказательством того, что сила империализма не беспредельна, и что угнетенный народ может сбросить железное ярмо империалистического рабства. С другой стороны, национальная политика СССР, являющаяся таким ярким контрастом насилию империалистических стран, пробуждает чувства симпатии и дружбы угнетенных народов к первой пролетарской республике. И здесь самым фактом своего существования СССР воодушевляет и укрепляет колониальные народы в их борьбе с империализмом. Все эти моменты находят свое выражение в широко развертывающемся освободительном движении в Китае. Китайский народ, в течение десятилетий подвергавшийся самой беспощадной империалистической эксплуатации, пришел в движение и начинает борьбу за свое освобождение. Китайцев воодушевляет «русский пример», и они стремятся в своей борьбе против империализма использовать «русский опыт»; они, борясь против своих поработителей, считают в то же время СССР своим другом и союзником.

Но это движение в одной из величайших колоний, в которой заинтересованы все великие державы, колеблет самые устои империализма и, прежде всего, расшатывает фундамент Британской империи. Азиатские колонии являются основой колониального могущества Англии, а китайское движение грозит не только ее интересам в Китае, но и в Индии, Афганистане, Персии, так как китайские события—особенно в случае успеха—могут найти громкий резонанс и в этих колониях Англии. Именно поэтому Англия выступает с самыми решительными мерами против освободительного движения в Китае. Именно поэтому она выступает одновременно и против Советского Союза, самый факт существования которого «возбуждает» колониальные народы к борьбе. Английский империализм не может «вынести» больше существования первой рабочей республики. Дело, конечно, не в «советских агентах»! Но разве может Англия, угнетающая Индию, Египет, Китай и десятки народов и племен Азии и Африки, разве может она терпеть существование рядом рабочего государства, основанного на добровольном союзе и равноправии национальностей? Из китайских событий, из освободительного движения угнетенного китайского народа, встречающего полное сочувствие со стороны рабочих всех стран и даже со стороны честных представителей буржуазии,—английский империализм извлек единственный урок: для того, чтобы спокойно эксплуатировать китайцев и предохранить их от дурного «русского примера»—необходимо покончить с СССР и посадить на цепь русских рабочих.

Факт существования Советского Союза подрывает могущество империализма; поэтому, империализм ставит снова в порядок дня вопрос об «устранении» этого факта.

* * *

О том, что отношения между Англией и СССР вступают в решительную фазу,—об этом твердит вся капиталистическая пресса. «Temps» от 13/VII—1925 г. прямо пишет, что «консерваторы толкают к разрыву (с Советским Союзом), и выступления лорда Биркенхеда показывают тот пыл, с которым они проводят эту политику». Действительно, заявления Биркенхеда, Хогга и Чемберлена об отношениях с Советским Союзом носили такой угрожающий характер, что Чичерин имел полное основание указать, что следующим шагом может явиться только об'явление войны.

Если до сих пор, однако, английские консерваторы не решились итти на открытый разрыв, то это об'ясняется весьма «уважительными» причинами. Прежде всего растущая хозяйственная депрессия в Англии заставляет английских предпринимателей держаться за связи с Советским Союзом, который размещает большие заказы в английской промышленности. Сюда присоединяется давление английского рабочего класса, который живо сочувствует СССР и ждет от укрепления хозяйственных связей с последним сокращения безработицы. Для того, чтобы вовлечь Англию в безумную авантюру против Советского Союза, Чемберлен должен при этих условиях «изобрести или сфабриковать» какой-либо экстраординарный повод, который бы подействовал соответственным образом на английское общественное мне-

ние. Повидимому, такого повода у Чемберлена еще нет. И, наконец, «last but not least», тут имеется еще то обстоятельство, что поддержка в этом шаге со стороны других капиталистических стран, оказывается, еще недостаточно обеспечена. Именно эти обстоятельства об'ясняют, почему английское правительство не решилось произвести разрыва отношений в начале июля, когда он ожидался всеми. «Дэйли Геральд» от 10/VII вскрывает всю эту механику: «Выяснившийся ранее план относительно посылки коллективной ноты с требованием удаления из Москвы Коминтерна сорвался на отказе Италии участвовать в этом выступлении. Кроме того, Германия не желает примкнуть к выступлению против СССР, пока переговоры о гарантийном договоре не приведут к благоприятным для нее результатам. Чемберлен обратился на последней неделе (в начале июля) в Париж, но Бриан и другие члены французского правительства несочувственно отнеслись к перспективам новых дипломатических авантюр в Европе и на Дальнем Востоке в то время, как затруднения Франции в Марокко не устранены... «Это положение вещей, к которому еще присоединилось энергичное заявление Генсовета трэд-юнионов, недвусмысленно высказавшего свое враждебное отношение к разрыву сношений с СССР, заставило правительство временно отказаться от своего плана...» «Правительство видит, что оно не может действовать изолированно, но оно удвоит свои усилия, чтобы добиться сотрудничества других держав». Таким образом, нападение на СССР отложено из-за неподготовленности, но не отменено. Так коротко можно охарактеризовать положение.

* * *

Последняя фраза «Дэйли Геральд» о том, что консервативное правительство «удвоит свои усилия» для создания анти-большевистского блока, отнюдь не является пустым звуком. Целый ряд фактов и открытое обсуждение этого вопроса капиталистической прессой всех стран свидетельствуют, что английское правительство, действительно, систематически работает в этом направлении.

Что касается Франции, то, по достоверным сведениям, консервативное правительство обращалось к французскому со вполне определенными предложениями, а именно—принять участие в совместном выступлении против Советского Союза, при чем первым этапом этого выступления должен явиться разрыв дипломатических отношений с СССР и организация экономической блокады его, поддерживаемой окраинными государствами и операциями английского флота в Балтийском и Черном морях.

В качестве компенсации за участие в этом выступлении Франции обещается благоприятное для нее разрешение вопроса о долгах и поддержке в марокканском вопросе. Как сообщает корреспондент «Vossische Zeitung» от 8/VII (вечерний выпуск»), «выступления Пенлеве и Бриана (в сенате от 2/VII) в здешних (Парижских. Ред.) кругах рассматриваются весьма многими как доказательство того, что парижское правительство симпатизирует лондонскому плану создания единого фронта против Москвы».

Если, однако, французское правительство не решается выступать открыто в этом вопросе, то это об'ясняется отнюдь не недостатком «пыла» у Пенлеве, а лишь тем, что оно уже имеет на своих плечах марокканскую авантюру и боится увеличивать свои затруднения, которых у него достаточно, открытой борьбой с СССР.

Несмотря на это, французское правительство не отказалось от мысли участвовать в выступлении против СССР при условии соответствующей компенсации. Торг по этому поводу продолжается. Как сообщает «Дейли Геральд» от 7/VIII, вопрос о совместном выступлении против СССР будет обсуждаться на предстоящем в августе свидании Бриана с Чемберленом: «Для того, чтобы добиться согласия британского правительства на сохранение за Францией свободы выполнения своих открыто признанных и тайных обязательств по отношению к Польше, Франция готова оказать полную поддержку политике Чемберлена по отношению к СССР, причем Бриан даже готов использовать свое влияние в Варшаве, чтобы уговорить поляков вступить в антисоветский блок». Можно предполагать, что Бриану не придется тратить особенно много усилий для того, чтобы выполнить последнюю задачу.

Капиталистическая пресса раскрывает теперь точно так же совершенно цинично тот смысл, какой имеет торговля, идущая между Германией и союзниками по поводу гарантийного договора. Об этом говорится достаточно ясно и в опубликованном германской правой газетой «Дейтшер Шпигель» от 5/VIII меморандуме Чемберлена французскому правительству от 2/III 1925 г. Касаясь в этом меморандуме предложений Германии о гарантийном пакте, Чемберлен обращает внимание французского правительства на следующее: «Хотя политика советского правительства в настоящее время прежде всего направлена в сторону восточных и азиатских народов и хотя агрессивное движение против Восточной Европы, вследствие провала коммунистических идей в Германии, приостановилось, тем не менее представляется несомненным, что потерпевшие в мировой войне поражение народы Центральной Европы психологически готовятся к военному союзу с СССР, при

чем возможность германско-советского союза растет параллельно со стабилизацией внутреннего положения СССР. Вслед за опасностями коммунизма и интернационализма возникает реальная опасность Союза, о котором мечтают германские и русские националисты. С подписанием гарантийного договора Германия, связанная с державами этим договором, не может уже быть военным союзником советского союза, равно как и «будущей России». Далее Чемберлен указывает, что участие Германии в гарантийном пакте является лучшим средством для вовлечения Германии в Лигу Наций; «однако, это возможно только путем непосредственных франко-германских переговоров».

И здесь смысл переговоров заключается в том, чтобы втянуть Германию в анти-советский блок и обеспечить ее безоговорочную поддержку в случае открытия враждебных действий против СССР. Зная это, германское правительство стремится лишь не прогадать и продать свое вступление в Лигу Наций и подпись под гарантийным договором, что будет означать несомненное участие во враждебном против СССР союзе,—как можно дороже. Об этом открыто болтает стиннессовская «Deutsche Allgemeine Zeitung», точно так же, как социал-барматовский «Vorwärts».

Однако, наиболее показательны усилия Англии к созданию анти-большевистского блока в окраинных с СССР государствах. Здесь-же можно лучше всего видеть, как далеко идет английская политика в своем наступлении против СССР, и какими последствиями она грозит. О том, что Англия, опираясь на финансовую зависимость от нее этих государств, каждое из которых (Латвия, Польша, Финляндия, Эстония, Литва) должно английским банкам десятки миллионов фунтов стерлингов, стремится их превратить в орудие против СССР—теперь ни у кого нет сомнений. «Vossische Zeitung» от 10/VII указывает, что Англия стремится теперь провести свой план «опоясать Москву кольцом от Балтийского моря до Черного и дальше». «Окраинные государства были запрошены из Лондона, готовы ли они принять участие в широкозадуманном выступлении, направленном не против русского правительства, а против III Интернационала».

Можно не сомневаться, что фраза «не против русского правительства, а против III Интернационала» является просто словесным прикрытием, и что в действительности речь идет именно о выступлении против Советского Союза. Показательна теперь поездка министров инодел Эстонии и Латвии в Лондон, где, по достоверным сведениям, ими обсуждались с «Foreign Office» вопросы организации совместных действий против СССР.

Однако, Англия отнюдь не рассматривает окраинные государства лишь как орудие для политических выступлений. Они являются для нее прежде всего плацдармом для организации военных действий против Советского Союза. И на военную подготовку окраинных государств Англия уделяет чрезвычайно много внимания. Ее целью является здесь организация вооруженных сил окраинных государств, их перевооружение, организация стратегической подготовки войны на основе единого военного плана, рассчитанного на совместные военные действия этих государств против Советского Союза. В армиях прибалтийских стран вводится единое английское оружие, вводится организация и тактика английской армии. Английские инструктора и представители английского генерального штаба ведут соответствующую работу в этих армиях. Еще в конце прошлого года в Финляндии в течение нескольких месяцев работала комиссия генерала Корка над организацией финляндской армии и согласованием ее планов с планами соседних государств. Консерваторы—деловые люди; они не ограничиваются парламентскими декларациями, а вооружают и организуют армии для похода на Советский Союз.

Всю сущность намерений консерваторов подчеркивает передача Эстонией Англии островов Даго и Эзеля. Стратегическое положение этих островов таково, что оно дает возможность базирующемуся на них флоту командовать над выходом из Финского залива и над всем Балтийским морем. Англия стремится их получить затем, чтобы устроить на них базу для своего военного флота и получить в свои руки стратегический ключ в Балтийском море. Переговоры об уступке этих островов продолжались несколько месяцев и, по слухам, закончились теперь согласием Эстонии на английские предложения. Таким образом, Англия получает возможность приставить заряженный пистолет к самой груди Советского Союза.

Подобная же работа ведется и в Польше, которая должна явиться главным плацдармом для развертывания враждебных нам армий, и в Румынии. За последний год участились посещения также и этих стран представителями английской военной клики. Румынии предоставляются кредиты на вооружение; английская фирма Виккерс строит там оружейные заводы; английская военная миссия прилагает все усилия, чтобы в годичный срок привести румынскую армию в состояние боевой готовности для войны с СССР. Перед Польшей же снова выставляется приманка «исправления границ» за счет Советского Союза, т.-е. осуществления тех мечтаний великодержавного польского империализма о Великой Польше «от моря до моря», которые опрокинула в 1922 г. своим наступлением на Варшаву Красная Армия. Нужно ли говорить, что польско-румынские холопы с энтузиазмом идут навстречу планам своих хозяев?

Такая же политика против Советского Союза проводится английскими агентами и на Востоке—в Турции, Персии, Афганистане и Манчжурии. Достаточно сказать, что в последнее время англичане усиленно поддерживают оставшиеся в Манчжурии отряды колчаковских генералов и прежде всего отряды генерала Нечаева. Эти отряды снабжаются деньгами, оружием и обмундированием. Вместе с тем Англия большое внимание уделяет теперь реакционному генералу Чжан-Цзо-Лину, которого она хочет видеть диктатором Китая и которого толкает на борьбу с СССР. Теперь нет никакого сомнения, что во время последних наших конфликтов с Чжан-Цзо-Лином из-за Восточно-Китайской ж. д. Англия стояла за спиной этого генерала и побуждала его к захвату Восточно-Китайской дороги, которую она стремится превратить в орудие против нас.

Так систематически, шаг за шагом, в Прибалтике, в Польше, Румынии, Персии, Афганистане, в Манчжурии консервативное правительство Англии, в согласии с буржуазией других стран, подготовляет свой дьявольский план нового похода против Советского Союза, действуя путем то подкупа, то давления, то угроз, то обещаний. Оно не брезгает никем и ничем. Оно использует для своей цели, как социал-предателей из «Vorwärts»'а, кричащих об ужасах большевизма, так и кровавых генералов армии Колчака, давая им деньги на вооружение отрядов в Манчжурии; как «демократическое» правительство Эстонии и Латвии, так и деспота Манчжурии генерала Чжан-Цзо-Лина, толкая и вооружая его на борьбу с СССР. Рабочий класс должен быть готов разрушить эту сеть дьявольских махинаций, влекущих за собой новые кровавые столкновения между народами и угрожающих безопасности, спокойствию и мирному труду первой Рабочей Республики.

Г. Валецкий

Война, мир и II Интернационал.

В уставе «Социалистического Рабочего Интернационала», принятом на Гамбургском конгрессе 1923 г., в главе А, § 4 значится:

«Социалистический Рабочий Интернационал не только инструмент для задач в мирное время, но также необходимый инструмент во время каждой войны. При конфликтах между нациями Соц. Раб. Интернационал будет признан заинтересованными партиями за высшую инстанцию».

Введением этих фраз в устав—в самый устав! — господа из $2\frac{1}{2}$ Интернационала были горды в немалой степени; это была «победа» над знаменитой формулой Каутского в 1914 г. (Интернационал—инструмент для мировой обстановки, но он не инструмент для войны), это было приданое, которое они принесли. В своем докладе на пленуме конгресса Фридрих Адлер с особенной торжественностью подчеркнул неизмеримое значение приведенных фраз:

«Весь конгресс сойдется на том мнении, говорил он, что мы извлекли из войны тот опыт, что Соц. Раб. Интернационал является не только инструментом для мирного времени, но также необходимым инструментом во время войны (Шумное одобрение). Это означает прежде всего, что то, что мы пережили, уже никогда более не повторится (Шумные одобрения возобновляются).

«Правда, добавил Адлер более робким голосом, не обо всем, что случилось, можно быть одинакового мнения, и проблему защиты отечества следует дальше обсуждать. Эта проблема при всем добром желании, не может быть немедленно решена. Но инструмент для мира и войны выкован, он будет при конфликтах между нациями признан за высшую инстанцию».

Два года прошло со времени Гамбургских торжеств, началась война в Марокко. Типичный колониальный разбойничий набег. Со стороны Франции война ведется правительством, которое пользуется поддержкой французской социалистической партии вообще и особенно на предмет ведения войны.

Два раза со времени начала французско-марокканской войны собирался II Интернационал—инструмент для войны и мира—на заседания. В начале мая заседал Исполнительный Комитет Соц. Раб. Интернационала в Париже. В начале июля заседало Бюро в Лондоне. В Париже о Марокко не было сказано ни одного слова. Вероятно, по уважительным причинам. Во-первых, Абд-Эль-Керим напал на мирную Францию, а «проблема защиты отечества» при «всем добром желании» еще «не решена». Во-вторых, имеется в данном случае налицо «конфликт между нациями» в том смысле, как это понималось в Уставе Соц. Раб. Интернационала? Является ли атаман шайки Абд-Эль-Керим законным представителем нации? И в-третьих, ведь среди риффов нет принад-

лежащей к СРИ социал-демократической партии, для которой инструмент для войны и мира мог бы служить «высшей инстанцией».

На лондонском заседании (4 июля) война в Марокко появилась, все-таки, на повестке дня. Или вернее, как официально сообщается, «разбиралось положение в Марокко». Ренодель, вернейшая опора французского правительства, передал «различные мнения», которые имеются по этому вопросу в французской партии. Но Бюро не могло «занять позиции» по этому вопросу.

По уважительным причинам.

«По той причине»—гласит дословно официальное сообщение—«что испанской партии невозможно было прислать своего представителя на заседании Бюро».

Нашлось, однако, в Бюро меньшинство, которое не пожелало удовлетвориться этим изящным разрешением вопроса и сделало заявление следующего содержания:

«Вопрос принципиального отношения французской социалистической партии к войне в Марокко заключает в зародыше все проблемы, которые во время мировой войны раскололи все социалистические партии. Мы воздерживаемся в настоящий момент от обсуждения этого вопроса лишь потому, что мы питаем полное доверие к французской социалистической партии, что она сама найдет правильное решение этого вопроса».

Этот перл «оппозиционного» об'яснения имеет три подписи: Отто Бауэр (Австрия), Дан (русские меньшевики) и Чех (германская социал-демократия Чехо-Словакии).

Бауэр, который в 1919 г. как австрийский министр иностранных дел, содействовал подавлению венгерской революции и оказывал поддержку польской белой армии против Советской России снабжением ее оружием, а затем по приказу французов вылетел из коалиционного кабинета за тайные интриги с итальянским правительством для восстановления тройственного союза: Италия—Германия—Австрия; Дан, который в течение нескольких лет поддерживал всякую травлю против Советской России, но всегда стремился лишь к «мирной» интервенции, и Чех, германский националист, немецкое издание чешских национал-социалистов.

«Заявление» само по себе неоценимо. «В зародыше все проблемы мировой войны»—и «полное доверие» к французской социалистической партии. Очевидно, три героя хотели этим сказать, что они официальной позицией французской партии недовольны, но надеются на победу внутри партии полупацифистских течений, которые нашли в ней довольно большое распространение, хотя практически бессильны противодействовать активной поддержке войны со стороны вождей партии. О поддержке же все возрастающего количества социалистических рабочих, которые присоединяются к выступлениям коммунистов против войны, никто, конечно, не подумал.

Даже «Het-Volk», орган голландской социал-демократии, очень недоволен «позицией» лондонского Бюро, как большинства, так и меньшинства. Успехи ведущейся коммунистами борьбы против войны беспокоят наблюдателей из Амстердама. В особенности беспокоит их рабочий с'езд, состоявшийся в Париже 4 и 5 июля. «Почему социалисты предоставляют подобные демонстрации коммунистам, спросят рабочие. Для большинства будет, вероятно, безразлично, от кого исходит движение; они примут руководство коммунистов, потому что социалисты не принимают участия в движении.» («Net Volk» 10 июля 1925 г.)

Почему же «уступают» социалисты борьбу против войны коммунистам? Да просто, потому, что часть социалистических вождей, откровенные сторонники колониальной политики, ведет борьбу за «войну до победы», а другая часть, пацифисты различных оттенков, ведет борьбу за «войну до мира»; потому что все они «не хотят оставить угрожаемое отечество в минуту опасности».

В уставе «Социалистического Рабочего Интернационала» сказано, правда:

«Инструмент не только для мирного времени, но и во время войны».

Но испанский делегат отсутствует, все проблемы в зародыше, полное доверие...

Китай... На Лондонском заседании Бюро II Интернационала прениям о великих революционных событиях предшествовала «ликвидация» обращения Коммунистического Интернационала организовать совместные выступления для поддержки китайской революции. За этим Бюро перешло к «порядку дня». В особой резолюции устанавливается, что дело здесь в «маневре единого фронта», чтобы «обличить» и «уничтожить» социалистические партии.

Но их вожди не хотят быть ни обличенными, ни уничтоженными.

Относительно самой китайской революции (говорится скромно о «пробуждении рабочих масс Китая») принята резолюция, первая часть которой содержит платонический привет движению. Вся же вторая часть зато посвящена борьбе против китайского национализма, против «националистической расовой борьбы»; китайцам советуют бороться «как против европейско-американского империализма, так и против азиатского национализма».

Превосходным дополнением к этой резолюции, ярким комментарием к этому «привету» является краткое письмо, написанное близнецом Соц. Раб. Интернационала—Амстердамским Профсоюзным об'единением нашему Межрабному. Приглашенное к совместной помощи борющимся китайским рабочим, Амстердамское Профсоюзное Об'единение отвечает в письме от 6 июня: «Президиум Международного Профсоюзного Об'единения разбирал вопрос о том, необходимо ли (!) и возможно ли оказать китайским рабочим материальную помощь. Решено было получить информации у представителей известных китайских рабочих об'единений, в каком размере помощь желательна и возможна (?)».

Итак, прежде всего нужно получить информации. Испанский—нет, не испанский, а китайский делегат отсутствует. Может быть, китайским рабочим материальная помощь совсем не желательна: может быть, всего у них вдоволь. Может быть, они так попали под влияние «азиатского национализма», что они вовсе не желают принять помощь от европейцев. Кто их знает?

Империалистические правительства обильно снабжают своих агентов в Китае деньгами, оружием, военными судами. Соц. Раб. Интернационал и Амстердамский Профсоюзный Интернационал

предостерегают от «азиатского национальзма» и собирают информации.

Воистину, Интернационал—это инструмент для мира и войны.

Большое внимание было уделено на Лондонском заседании Бюро, как раньше на заседаниях Исполнительного Комитета в Брюсселе (январь 1925 г.) и в Париже (май), вопросам гарантийного договора и Женевского протокола: в резолюции, принятой после жестокой схватки англичан с социалдемократами континента, значится, между прочим:

«Он (Соц. Раб. Инт.) рассматривает Женевский протокол, как выполнение и осуществление договора Лиги Наций и основ всеобщего арбитража, которые лишь одни могут дать народам безопасность и всему миру принести разоружение».

Но в виду того, что Женевский протокол, который «лишь один» и т. д., умер и похоронен, то его заменяют гарантийным договором с оговоркой, что от этого не произойдет «неправильного равновесия сил» («falsches Maechtegleichgewicht»).

И «практически», в виду того, что гарантийный договор так, как он понимается в Англии, направляет свое острие против Советского Союза, то все социал-демократы (а германские впереди всех), ведут бешеную травлю Советского Союза, использовывая для этого самым циничным образом каждый случай. Томас в Англии пользуется железнодорожной конференцией в тот момент, когда консервативное британское правительство угрожает Советскому Союзу разрывом сношений, чтобы делать ожесточенные нападки на последний. «Форвертс» требует от германского правительства разрыва сношений с Советским Союзом по поводу приговора над тремя фашистскими злоумышленниками в Москве.

Великолепную характеристику внешней политики германской социал-демократии дает ее центральный орган в передовой статье по поводу посылки новой германской ноты в Париж («Форвертс» от 19 июля):

«В Германии имеются только две внешнеполитические программы—коммунистическая и социал-демократическая. Коммунистическая не проповедует, по крайней мере, какой то абстрактной борьбы, как это делают националисты, а ищет разрешения вопроса в союзе Германии с сильной военной страной: Россией. Социал-демократическая ищет разрешения вопроса в союзе народов западных культур и высокого капиталистического развития».

Яснее нельзя выразиться. Коммунисты вместе с великой Рабоче-Крестьянской Республикой и со всеми порабощенными народами земного шара против империализма. Социал-демократы вместе с «высококапиталистически развитыми» империалистическими державами против... кого? Против Советского Союза, Китая, Марокко.

Несколько недель занимает Вандервельде пост министра иностранных дел бельгийского короля. В программе, которую он изложил в бельгийской палате, он сообщил, что будет оберегать «непрерывность бельгийской внешней политики» и продолжать линию своих предшественников.

Эти предшественники, между прочим, заняли вместе с Пуанкаре Рур. Сам Вандервельде заявил: «До тех пор, пока Германия не выполнит своих обязательств, мы останемся в Кельнской зоне. Все правительство по этому вопросу единодушно».

«Советский Союз, тут же заявляет Вандервельде, не будет признан», и это, несмотря на торжественные обещания, которые были даны бельгийским рабочим во время предвыборной кампании. «Советский Союз должен прежде всего полностью вознаградить бельгийских капиталистов, которые раньше были владельцами национализированных предприятий в России, а затем возвратить «независимость» Грузинской республике, которую Бельгия признала».

В остальном Вандервельде идет рука об руку с Англией (Китай) и Францией (Марокко).

На Гамбургском же конгрессе, два года тому назад, этот величайший из лицемеров и мошенников гремел с трибуны: «Против этого империалистического мира, который есть не что иное, как застывшее состояние войны, против этой войны в форме империалистического мира мы собираем ныне наши силы. История проклянет капитализм, потому что он периодически и неизменно ведет к войнам, к кровавым битвам».

М. Кантор.

О „друзьях" справа.

(*Кооперативное сменовеховство проф. Чаянова*).

I.

Сейчас еще нет вполне оформленной мелкобуржуазной теории советской кооперации. Но ряд признаков говорит за то, что такая теория, применительно к крестьянскому хозяйству, усилиями соответствующих экономистов-кооператоров уже создается и, таким образом, находится на пути к оформлению. Отвлеченно рассуждая, все это понятно и легко об'яснимо. Крестьянство приняло нашу новую экономическую политику и, в нынешней стадии развития своего хозяйства, покоющегося на единоличном принципе производства, естественно будет ее по своему идеологически отражать. С другой стороны, от дореволюционной эпохи у нас сохранился ряд теоретиков—выразителей единоличных принципов. Часть их благожелательно осознала сдвиги, происшедшие в общей экономике страны и в положении крестьянского хозяйства. Но основные прежние взгляды остались и у этой части. Теоретическую мысль сторонников указанного направления можно было бы считать идеологией советского крестьянства, если бы в недрах крестьянства не шли уже процессы выделения элементов более передовых, преимущественно молодых, коллективистски-настроенных, которым, собственно, и принадлежит, как затрашний день, так и право на идеологию.

Критику восхвалителей преимуществ мелкого крестьянского хозяйства мы всегда считали важнейшим делом. Но сейчас критика сугубо необходима, так как новые формы старой теории прикрываются советскими лозунгами, ссылками на всех марксистских «святых», а иногда сопровождаются даже частичным признанием своих прежних ошибок. На молодежь, особенно на крестьянскую молодежь, внешность изложения старых кооперативных теорий производит впечатление почти-что ленинизма. Здесь вопрос нашей идеологической борьбы стоит уже совсем остро, как вопрос борьбы за влияние.

Тем не менее, мы полагаем, что будет наиболее справедливо и наиболее полезно вести благожелательную (что, конечно, нисколько не исключает разоблачения чужих взглядов и противопоставления своих) критику, так как значительная часть кооперативных «сменоховцев» искренне пытается пройти вместе с нами современный участок исторического пути.

В данной статье об'ектом критики взяты работы профессора А. В. Чаянова. При чем считаем необходимым оговорить, что в нашу задачу не входит ни разбор всех положений, высказываемых Чаяновым по различным вопросам, ни оценка каждого из его произведений, как законченного целого. Нас интересуют в данном случае исключительно суждения автора о судьбах крестьянской кооперации в ССР и те его взгляды на развитие нашей общей экономики, которые являются подосновой для суждений о кооперации. В результате критики мы желали бы выявить об'ективный политический смысл новых идей проф. Чаянова, который кажется нам наиболее характерным и интересным выразителем современной мелкобуржуазной теории кооперации.

Разбору идей Чаянова предпослана небольшая экскурсия в область заграничных и российских дореволюционных мелкобуржуазных теорий для товарищей читателей «Большевика», недостаточно знакомых с историей борьбы кооперативных мнений.

II.

Мелкобуржуазная теория крестьянской кооперации уже порядочно стара. Сущность ее была выражена еще в 1868 году немецким кооператором Гирке [1]) в следующих словах:

«Но существует сила, которая довольно внушительна, чтобы преградить путь такой опасности (исчезновению мелких и средних самостоятельных хозяйств к выгоде крупной капиталистической промышленности и обнищанию уже сделавшихся несамостоятельными), и она уже начала выполнять свою охранительную и творческую работу. Хозяйственная ассоциация является такой силой. Она и только она может защитить и защитит остающиеся до сего времени еще самостоятельными хозяйственные атомы от потери своей самостоятельности».

Таким образом, почти 60 лет тому назад немецкие мелкобуржуазные экономисты, вроде Гирке, захлебывались от удовольствия при мысли, что в лице кооперации народилась сила, способная «охранить» существование «атомов» в сельском хозяйстве. С того времени количество «атомов» во всех странах, в том числе и в Германии, значительно сократилось, но идеалистически настроенные кооператоры продолжали убеждать свою крестьянскую паству в спасительной миссии кооперации при капиталистическом строе.

Само собою разумеется, что о таких ужасных вещах, как, например, обобществление крестьянского труда и производства, кооператоры и слышать не хотели, потому что это было бы нарушением атомной самостоятельности, вторжением в священные права частной собственности и проч. Через полстолетия горького опыта капиталистической конкуренции германские кооператоры стали поговаривать о социализме (правда, с такими оговорками, которые уничтожали всякий смысл социалистического преобразования общества), но от основных своих воззрений на судьбу мелкого хозяйства, конечно, не отказались. Так, когда в 1912 году генеральный секретарь Германского Сельско-Хозяйственного Совета, проф. Даде, выступая на всегерманском с'езде с.-х. кооперации, «подчеркнул, что кооперация не имеет права устранять индивидуальный труд, который так много сделал в сельском хозяйстве; в особенности нельзя рекомендовать распространение кооперации на землю, т.-е. на самое сельско-хозяйственное производство...» [2]),—то добрые немецкие кооператоры качали послуш-

[1]) Гирке. «Германское кооперативное право»—цитировано по русскому переводу книги проф. Эдуарда Якоби «Хозяйственая теория кооперации», изд. 1919 года, стр. 8.

[2]) Там же, стр. 191.

ными головами, а их теоретик, проф. Якоб, поспешил сформулировать роившиеся мысли:

«Кооперация может в такой же мере служить индивидуализму, как и социализму. Например, многочисленные владельцы мелких сельско-хозяйственных и ремесленных предприятий, вынужденные об'единяться экономически в борьбе с капиталистическими предприятиями, совершенно не желают лишиться своей индивидуальной самостоятельности через создание кооперативов. Они передают общему кооперативному предприятию некоторую часть экономических функций своих независимых предприятий, только для того, чтобы эти их индивидуальные предприятия могли стать более сильными и жизнеспособными в своих остальных экономических функциях. Для них, как и для огромной массы членов потребительских обществ, кооперация не есть средство для устранения современного экономического строя, а лишь «средство для его дополнения и улучшения».

В горячей профессорской тираде заключен ряд ценных признаний и в то же время набросана в важнейших чертах программа мелкобуржуазной кооперации. На сей раз истина выражена без всяких ссылок на божественное происхождение кооперации, на ее биологические и всякие другие свойства. Дело оказывается проще. Мелкому собственнику, при капиталистическом строе, так же хочется итти в кооперацию, как грешнику лизать горячую сковороду, но, тем не менее, он вынужден туда итти в поисках сохранения своей хозяйственной самостоятельности. Входящие в кооперацию ремесленники и крестьяне ни в какой степени не намерены вкладывать свои средства производства и труд в общий котел, а предпочитают ограничиться передачей «общему кооперативному предприятию» только «некоторой части экономических функций своих независимых предприятий».

Особо гордо звучит выражение «независимых», примененное идеалистом кооператором по отношению к своей чтимой богине—Кооперации.

Следует признать, что мотивы вхождения членов и программа мелкобуржуазной кооперации изложены в цитате вполне правильно и реально. Несколько излишняя суетливость допущена профессором лишь в из'явлении от имени всей мелкобуржуазной кооперации и «огромной массы членов потребительских обществ» верноподданических чувств по отношению к капиталистическому строю.

Итак, суть набросанной программы заключается в устранении целей обобществления труда и производства; кооперация рассматривается лишь как средство укрепления мелкой частной собственности путем об'единения некоторых хозяйственных функций «независимых» частных предприятий.

Из иностранных теоретиков реформистского лагеря ограничимся ссылкой только на Давида [1]). Исходя из других предпосылок, Давид приходит к тем же выводам, что и кооператоры чисто буржуазного типа. Давид—решительный противник обобществления труда и производства в сельском хозяйстве. По его мнению, задача кооперации: «преобразование отсталого изолированного мелкого производства в рациональное организованное мелкое (Курсив мой. *М. К.*) производство. Мы должны видеть в этом движении могучие зачатки процесса социализации в сельском хозяйстве».

[1]) Э. Давид. Социализм и сельское хозяйство.

Как видно из цитаты, важнейшее отличие Давида от Якоба заключается в том, что Якоб более последователен. Якоб тоже за сохранение мелкой собственности, но поэтому-то он и почитает своим долгом до конца «служить индивидуализму». Давид же пытается об'five необ'ятное путем «социалистического» увековечения мелкого производства.

В русской дореволюционной литературе наиболее реальное отношение к кооперативным фактам можно встретить у С. Н. Прокоповича [1]). В его книге дана классификация кооперативных форм, на основании которой автор заключает, «что в основе каждой формы кооперативного об'единения лежит соответствующий ей способ производства. Эта зависимость кооперативных форм от экономических отношений приводит к тому, что с изменением хозяйственного строя меняются и кооперативные организации».

Слабости Прокоповича начинаются дальше. После такого диалектического введения можно было бы ожидать и дальнейшего развития темы в том смысле, что и самый капиталистический строй невечен и, следовательно, в кооперативных формах нужно и возможно какое-то дальнейшее изменение. Вместо этого в 1918 году Прокопович продолжает нас утешать, «что кооперация не может служить средством борьбы с надвигающимся капитализмом...»

Задача новейших форм кооперации лежит в совершенно другой плоскости: в борьбе против эксплуатации трудящихся представителями денежного, товарного и производительного капитала.

У Прокоповича имеется и намек на возможность другого социального строя, «при котором об'единенные в кооперативы кустари будут освобождены от какой бы то ни было эксплоатации». Затем, другой намек, менее определенный, содержится в предисловии ко 2-му изданию книги: «Кооперации пришлось (после революции. М. К.) принимать участие в таких процессах хозяйственной жизни и общественного строительства, которые в нормальное время не привлекают ни ее внимания, ни ее сил».

Но о том, изменились ли в результате новых процессов хозяйственной жизни задачи и сущность кооперации, автор не говорит ничего.

Более или менее членораздельно звучит только пессимистическое определение нашего времени как «тяжелого» («в это тяжелое время») в отличие от дореволюционного периода, который именуется «нормальным».

В итоге его позиция, по существу, мало чем отличается от взглядов заграничных мелкобуржуазных глашатаев кооперации.

Мы уже видели на примере проф. Якоба, что буржуазная теория кооперации великолепнейшим образом уживается с капиталистическим строем. Теории русских экономистов-кооператоров типа Прокоповича, несмотря на «марксистскую» видимость формулировок, клонят к тому же. Если Туган-Барановский [2]) приходит к умилительному выводу, что крестьянское хозяйство, при ка-

[1]) С. Н. Прокопович. Кооперативное движение в России. Его теория и практика. 2-е издание 1918 г., стр. 23/24.

[2]) Туган-Барановский. Социальные основы кооперации. 3-е изд. 1919 г., стр. 469.

питализме «только укрепляется, благодаря тому под'ему благосостояния, которое создается кооперацией», то какого еще рожна нужно крестьянскому читателю капиталистической страны?

Значение кооперации Туган-Барановский признает только «в сфере обмена, а также в сфере переработки крестьянских продуктов». Отсюда вывод, что «крестьянская кооперация отнюдь не имеет тенденции упразднять собственное хозяйство крестьянина, а, наоборот, укрепляет последнее и только преобразовывает его в том отношении, что отношения крестьянина с рынком утрачивают свой прежний индивидуалистический характер и заменяются кооперативной организацией».

Что же касается производства, то оно, конечно, остается индивидуальным. Социальный идеал ревнителей мелкой собственности выражен Туган-Барановским следующим образом: «благодаря кооперации, создается новый тип крестьянского хозяйства, в котором для индивидуального хозяйства остается только одна область —сельско-хозяйственного труда, все же остальные хозяйственные операции, купли, продажи, получения кредита и переработки сельско-хозяйственных продуктов,—исполняются не единоличными силами сельско-хозяйственного производителя, а коллективной силой организованных в кооперативы производителей».

Эти определения следует хорошо запомнить, так как новые песни, раздающиеся из лагеря мелкобуржуазных теоретиков кооперации, представляют вариации (в советском стиле) старого мотива.

III.

В трудах проф. А. Чаянова, напечатанных в наше советское время, нигде не дана в более или менее развитой форме теория крестьянской кооперации. Отдельные указания содержатся в Трудах Высшего Семинария с.-х. экономии при Тимирязевской Академии, вышедших в 1922 году под заглавием: «Оптимальные размеры сельско-хозяйственных предприятий» (предисловие и статья «Оптимальные размеры земледельческих хозяйств»), и в недавно вышедшей брошюре «Краткий курс кооперации» (изд. Коопер. Издат. 1925 г.).

Обеих указанных работ было бы недостаточно для уразумения проводимой теории, если бы не чисто теоретического свойства статья «Сельскохозяйственная кооперация, как форма организации с.-х. производства СССР», напечатанная в одном из последних номеров «Экономического Обозрения».

В относительно более старой (по времени) книге об «Оптимальных размерах» Чаянов в предисловии так формулирует сущность своих кооперативных идей:

«По нашему глубочайшему убеждению, идеальным аппаратом сельско-хозяйственного производства является совсем не крупная латифундия и не индивидуальное крестьянское хозяйство, а новый тип хозяйственной организации, в котором организационный план расщеплен на ряд звеньев, каждое из которых организовано в тех размерах, которые являются оптимальными для него. Говоря иначе, *идеальным нам мыслится крестьянское семейное хозяйство* (Курсив мой. *М. К.*), которое выделило из своего организационного плана все те его звенья, в которых крупная форма производства имеет несомненное преимущество над мелкой, и организовало их на разные степени крупности в кооперативы».

Сравните этот текст с приведенной нами цитатой из Тугана, и вы найдете не только ту мысль, но почти те же выражения, вплоть до определения «новый тип». И там говорится о сохранении мелкого производства путем отщепления и обобществления некоторых функций, и здесь. Разница только в том, что Чаяновым введен момент оптимума, которым он хочет как бы сказать: дайте крестьянину такую порцию технического и социального прогресса, которая не нарушала бы «идеальных» основ «семейного хозяйства».

Получился ли у автора в результате исчислений искомый оптимум и не обернулся ли этот оптимум против своего творца,— этого вопроса, как уже было сказано, мы касаться не будем. Для обрисовки социальных идеалов как-будто достаточно и приведенного. Эти идеалы совпадают с упованиями и чаяниями всех кооператоров буржуазного и мелкобуржуазного толка.

В брошюре «Краткий курс кооперации» автор не отказывается от своих взглядов. Он лишь формулирует их с гораздо большей осторожностью. Но и здесь, после рассуждений о значении техники в промышленности и о причинах отсталости сельского хозяйства, он спешит успокоить читателя:

«Для целого ряда отраслей его (крестьянского хозяйства— *М. К.*) *крупная форма* даст сразу непосредственную большую выгоду. При этом почти всегда оказывается возможным, не нарушая работы остальных частей хозяйства и не разрушая трудового семейного хозяйства, выделить отдельные работы и соединить их сообща с соседями в одно общее большое дело».

Под «одним общим большим делом», конечно, следует понимать кооперацию. Цитируемая фраза относится не только к Советской Республике, но и к капиталистическим странам, и выражает всеобщий закон развития крестьянского хозяйства.

Оказывается, что вне зависимости от общих политических и экономических условий, в которых обретается кооперация, достаточно крестьянину сообща с соседями «соединить» «отдельные работы», как все пойдет наилучшим мирным образом, «не нарушая», «не разрушая...», и трудовое семейное хозяйство, которое «мыслилось» автору в идеале, устоит как гранитная скала среди капиталистического хаоса.

Таким образом, брошюра, изданная в 1925 г., возвращает нас к кооперативным теориям доброго старого времени. «Социалистические» же моменты воззрений Чаянова сближают его полностью с Давидом:

«Сельско-хозяйственный кооператив является дополнением к самостоятельному крестьянскому хозяйству, обслуживает его, и без такого хозяйства не имеет смысла. В дальнейшем развитии кооперации она будет все в большей и большей мере переводить в русло общественного кооперативного хозяйства различные отрасли крестьянского хозяйства. Эти элементы общественного хозяйства и закладывают в крестьянском хозяйстве основные начала будущей социалистической организации земледелия».

Очевидно, автор чувствовал, что советский теоретический курс предполагает в «социалистической организации земледелия» нечто большее, чем только об'единение отдельных отраслей крестьянского хозяйства, поэтому им сделана сноска:

«К составу с.-х. кооперативов обычно причисляют и так называемые полные с.-х. кооперативы, т.-е. с.-х. коммуны, в кото-

рых индивидуальные хозяйства совершенно растворяются в общественном хозяйстве. Ввиду их важности им посвящается особая книга, и мы их вовсе не затрагиваем в своем очерке».

Как видит читатель, сноска является чистейшей отпиской. Автор должен был дать ответ на вопрос о возможности перерождения самой с.-х. кооперации в коллективные труд и производство.

От этого ответа автор уклонился и спрятался за ширмой «особой книги» о коммунах.

Впрочем, само по себе выделение колхозного вопроса из теоретического курса о кооперации как-будто подтверждает обрисованное нами отношение автора к судьбам социализма в земледелии. В советской практике вопрос о причислении колхозов, в том числе и коммун, к системе с.-х. кооперации был уже совершенно определенно решен к моменту издания брошюры. Однако, Чаянову это не мешает говорить, что «к составу с.-х. кооперативов обычно причисляют» (Курсив мой. *М. К.*)... и с.-х. коммуны.

Но если мы согласимся с Чаяновым в основном, т.-е. с тем его «глубочайшим убеждением», что «идеальным аппаратом сельскохозяйственного производства» является «крестьянское семейное хозяйство», тогда он готов, со своей стороны, пойти на все требования советской действительности. Он охотно признает, что «в условиях капиталистического общества, как это установил Ленин в своих письмах о кооперации, кооперативное движение крестьян было бессильно разрешить эти задачи, и только при переходе власти в руки трудящихся оно приобретает при поддержке государственной власти совершенно иное значение и делается основой нового общественного строя деревни».

Он идет еще дальше и красноречиво описывает, как «благодаря передаче всей хозяйственной работы в деревне кооперации, вся деревня в целом втягивается в русло планового хозяйства», а в заключение рисует уже «лучшее будущее», нечто почти похожее на социализм.

Но и здесь его не оставляет святая тревога за участь мелкого производства, и в разгаре чувств, говоря о торжестве начал «машинизации всюду», он не забывает прибавить: «где они могут выявить свои преимущества».

Словом, получается, как мы уже отмечали, некая смесь, которую сам Чаянов определяет словами: «развитие кооперации во многом совпадает (Курсив, конечно, мой. *М. К.*) с развитием социализма.

Таким образом, у Чаянова развитие кооперации и развитие социализма вещи неодинакового порядка, независимо от окружающих условий. У него нигде нет, а по существу его общей концепции и не может быть, такой постановки вопроса о кооперации, какую дал Ленин и какую проводим мы.

Для нас, после завоевания пролетарской власти, национализации земли и промышленности, кооперация становится одним из важнейших орудий осуществления социализма и, вместе с тем, в своих наиболее развитых формах, уже частицей, прообразом будущего социалистического общества.

Для Чаянова кооперация остается самодовлеющей формой, которая даже в наших благоприятных условиях развивается параллельно общему экономическому порядку, может совпадать и, следовательно, может и не совпадать.

Чаянов наилучшим образом понял и оценил большую общественную и хозяйственную роль, которую мы отводим кооперации в строительстве деревни. Он разделяет и наши мероприятия, вытекающие из такого отношения к кооперации. Этого вполне достаточно, чтобы дружно совместно работать сейчас на практической почве.

Но этого мало для завтрашнего дня, когда мы ближе подойдем к разрешению социалистических задач. Это недостаточно и для сегодняшнего дня в работах планового характера, предусматривающих формы и характер дальнейшего развития. Наконец, это совсем не годится для теории, которая должна дать правильную перспективу и ориентировку.

Чаянов, однако, не ограничивается только «Кратким курсом». Он хочет нас одарить и теорией большого калибра, доказать, как дважды два четыре, что развитие советской экономики прямехонько ведет в царство семейных хозяйственных добродетелей.

Зачатки теории содержатся уже в «Кратком курсе».

«Мелкие технически слабые хозяйства могут в сельском хозяйстве оказывать большое сопротивление своим крупным конкурентам, что совершенно невозможно в индустрии. Последние научные исследования (В. Ленина, П. Лященко и других экономистов) американского и русского земледелия показывают нам даже, что капитализм развивается в сельском хозяйстве главным образом (Курсив мой. *М. К.*) в форме эксплуатации мелкого производителя сельскохозяйственных продуктов всякого рода торговыми фирмами и предприятиями, оказывающими ему кредит под весьма высокие проценты. Крестьянин, сохраняющий на вид свою хозяйственную самостоятельность и независимость, на самом деле оказывается всецело во власти финансового и торгового капитала».

Под влиянием такой картины «у всякого организатора с.-х. производства... подчас могут опуститься руки», но на помощь ему услужливо приходит профессор Чаянов и раз'ясняет, что выход есть, что можно, «не нарушая» и «не разрушая», все устроить.

Подробнее эту теорию, освещенную ссылками на авторитет Ленина, Чаянов развил в уже упомянутой нами статье «Сельскохозяйственная кооперация, как форма организации с.-х. производства СССР». Просим у читателя извинения за еще пару цитат:

«Новейшие исследования развития капитализма в земледелии, в особенности же работы Ленина (об американском сельском хозяйстве) и отчасти Гельфердинга (о финансовом капитале), Лященко (о торговом капитализме в России) и других, указывают нам, что вовлечение сельского хозяйства в общую систему капитализма вовсе не должно обязательно происходить в форме создания крупнейших капиталистически организованных хозяйств, построенных на базе наемного труда...»

Далее идет та же мысль о кабальной зависимости от торгового капитала, которая выражена в предыдущей приведенной нами цитате из «Краткого курса».

Итак, Чаянова убедил ряд марксистских трудов, «в особенности же работы Ленина—об американском сельском хозяйстве».

Раскрываем соответствующую работу Ленина (Новые данные о законах развития капитализма в земледелии. Выпуск I. «Капитализм и земледелие в Соединенных Штатах Америки». Изд. 1918 г.) и читаем на стр. 103:

«Главный признак и показатель капитализма в земледелии— наемный труд».

Сличаем с соответствующим местом у Чаянова:

«Вовлечение сельского хозяйства в общую систему капитализма вовсе не должно обязательно (Курсив мой. *М. К.*) происходить в форме создания крупнейших капиталистически организованных хозяйств, построенных на базе наемного труда».

Как-будто не то. У Ленина «главный признак», а у Чаянова «вовсе не... обязательно».

Читаем дальше Ленина:

«Развитие наемного труда, как и рост употребления машин, мы видим во всех (Курсив Ленина. *М. К.*) районах страны, во всех отраслях сельского хозяйства».

Теперь позволительно спросить Чаянова, на каком основании им сделаны заведомо неправильные ссылки на Ленина.

Но... история с наемным трудом это лишь цветочки. Суть ссылок на Ленина заключается в том, чтобы притянуть авторитет Ленина к утверждениям о сохранности мелкого производства, т.-е. что капитализм в земледелии натыкается на такую стойкость мелкого производства, что он его, главным образом, только подчиняет себе, не будучи в состоянии вытеснить.

У Ленина мы находим и на этот счет совершенно определенное мнение, исключающее какие бы то ни было кривотолки:

«В общем и целом сравнение однородных данных за одно и то же время относительно промышленности и земледелия показывает нам при несравненно большей отсталости второго замечательную одинаковость (Курсив мой. *М. К.*) законов эволюции, вытеснения мелкого производства и тут, и там («Новые данные», стр. 104).

Мы можем назвать не менее трех-четырех работ Чаянова, в которых он, опираясь произвольнейшим образом на авторитет Ленина, утверждает, что капитализм в сельском хозяйстве развивается не столько путем «горизонтальной концентрации», т.-е. вытеснения мелкого производства крупным, сколько путем «вертикальной концентрации», т.-е. эксплуатации мелкого производства торговым и финансовым капиталом.

Конечно, никакой марксист не станет отрицать важности второго фактора—влияния торгового и финансового капитала. Но нужно иметь очень много смелости, чтобы приписывать Ленину и его последователям небылицы о второстепенном значении «горизонтальной концентрации», т.-е. о сохранении мелкого производства в условиях капитализма.

Вся книга Ленина «Новые данные» направлена именно против идей, подобных чаяновским. Единственное место, сужающее действие «горизонтальной концентрации», касается вопросов земельной площади. Так как противники марксистских взглядов на роль капитализма в земледелии приводили в доказательство стойкости мелкого производства только одни цифры о слабом увеличении земельной площади крупных хозяйств, то Ленин на основании анализа хозяйств показал, что

«капитализм растет не только путем ускорения развития крупных по площади хозяйств в экстенсивных районах, но и путем создания более крупных по размеру производства, более капиталистических хозяйств на более мелких участках земли в интенсивных районах».

Что же получается в итоге?

«В итоге концентрация производства в крупных хозяйствах на деле сильнее, вытеснение мелкого производства на деле идет дальше и глубже...»

Таким образом, если бы даже Чаянов пожелал свести свою «горизонтальную концентрацию» к чисто территориальной, то и тогда его ссылки на Ленина не приобрели бы достоверности.

Но вся беда в том, что Чаянова не устраивает только одна «территория». Ему нужно во что бы то ни стало показать, что крестьянская семья непоколебимо сидит на своей земле, не отлучаясь в батраки к крупному землевладельцу. Поэтому-то он и берет признак наемного труда. Но здесь как раз наш профессор и терпит наибольшее крушение.

Не легче Чаянову и от ссылок на Лященко, ибо и у того в конце-концов торжествует проклятая горизонтальная концентрация:

«Только после подчинения земледельческого хозяйства денежно-торговому капиталу и начинается более широкое развитие в нем капиталистических отношений, приводящее в конце к капитализации всего земледельческого производства» (П. И. Лященко. «Очерки аграрной эволюции России». Изд. 1924 г., стр. 71).

После раз'яснения и со стороны Лященко Чаянов остается совершенно одинок. Теперь, сколько бы он ни клялся, что сельское хозяйство это ничего больше, как

«использование человеком солнечной энергии, падающей на поверхность земли. Человек не может солнечные лучи, падающие на сто десятин, собрать на одну... Никакой концентрации в пространстве здесь, за исключением процессов первичной переработки с.-х. продуктов, провести невозможно» («Оптимальные размеры», стр. 8),—

никто уже не поверит. Во всяком случае, никто не примет всерьез его теоретическую дружбу с Лениным и подлинными марксистами.

А раз рушится версия о превалировании вертикальной концентрации, которой Чаянов сам не доказал, а обосновал больше ссылками на авторитеты, то падает, следовательно, и незыблемость мелкого производства, падает одновременно и кооперативная теория. Вопреки рассуждению, что «никакой концентрации..., за исключением первичной переработки с.-х. продуктов, провести невозможно», мы считаем совершенно неизбежной и концентрацию самого производства.

IV.

Проследим теперь далее за развитием кооперативных идей профессора Чаянова. Само собою разумеется, что кооперация у него построена на строгих началах вертикальной концентрации.

«Начинаясь обычно с об'единения мелких производителей в области заготовки средств производства земледелия, кооперация весьма скоро переходит к организации кооперативного сбыта..., на их базе слагается хорошо работающий и сильный кооперативный аппарат, и, что особенно важно, происходит в аналогии с развитием капитализма первоначальное накопление кооперативного капитала... Кооперировав сбыт и техническую переработку, с.-х. кооперация тем самым производит концентрацию и организацию с.-х. производства в новых и высших формах, заставляя мелкого производителя видоизменять организационный план своего хозяйства..., улучшить технику...»

«Однако, добившись этого успеха, кооперация неизбежно развивает достигнутый успех далее в сторону еще большего захвата производственных отраслей крестьянского хозяйства (машинные товарищества, случные пункты, контрольные и племенные союзы, совместная обработка, мелиорация и проч.).

Во всем сказанном нет пока решительно ничего, с чем нельзя было бы согласиться. Единственно, что может показаться, на первый взгляд, странным, но что, надеемся, нами уже достаточно расшифровано,—это громкие слова о... концентрации производства, относящиеся к... видоизменению организационного плана мелкого хозяйства, и не менее громкие слова о «еще большем захвате производственных отраслей крестьянского хозяйства..., касающиеся... машинных товариществ и случных пунктов.

Чаянов во что бы то ни стало хотел бы убедить нас, что в «видоизменении организационного плана» и в организации случного пункта заключена уже вся концентрация, социализация, коллективизация и проч. Но профессорское чутье подсказывает ему, что и этого, пожалуй, мало. Нужно дать общую картину новой организации земледелия, и он ее рисует в следующих красках:

«При параллельном развитии электрификации, технических установок всякого рода, системы складочных и общественных помещений, сети усовершенствованных дорог и кооперативного кредита элементы общественного хозяйства количественно нарастают настолько, что вся система качественно перерождается из системы крестьянских хозяйств, кооперирующих некоторые отрасли своего хозяйства, в систему общественного кооперативного хозяйства, построенную на базе обобществления капитала и оставляющую техническое выполнение некоторых процессов в частных хозяйствах своих членов почти что на началах технического поручения.

При национализации земли и политическом господстве трудящихся масс эта система хозяйства, вводимая через союзы кооперативов и кооперативные центры в систему планового государственного хозяйства, может быть признаваемой тождественной социалистической организации земледелия».

Теперь мы можем быть уже вполне спокойны. Благодаря Чаянову крестьянское хозяйство в наших руках: все оно расщепилось на ряд отраслей, захваченных кооперацией, и сам крестьянин, неизвестно зачем, продолжает сидеть на земле, исполняя свои обязанности..., «почти-что на началах технического поручения».

Что-то вроде нового типа «агента для поручений».

Как видим, и здесь Чаянов сам попал в неловкое положение и крестьянина в такое же поставил, вследствие того, что не связал концов. Когда буржуазный теоретик кооперации или закоснелый в старых взглядах кооператор считает, что вся советская работа окончится торжеством индивидуального начала и крахом идей коллективизма, то они по-своему логичны, хотя и неправы. Но Чаянов уже оставил прежнюю позицию, признав, что только в советских условиях (завоевания власти, национализации) кооперация «приобретает при поддержке государственной власти совершенно иное значение и делается основой нового общественного строя». Отсюда логически вытекал тот вывод, что условия, вызвавшие изменение роли кооперации (поскольку эти условия остаются, в чем не сомневается и Чаянов), будут и в дальнейшем влиять на ход и на исход ее развития.

Но именно этого-то вывода Чаянов убоялся. Он задержался на ступени об'единения различных функций и не сделал шага в сторону признания неизбежности и необходимости укрупнения и реорганизации на общественных началах самого производства.

Отсюда двойственность: отрыв практики от целей, действительности от теории; в общем, отсутствие, так сказать, целевой установки.

Мы не сомневаемся в благожелательном отношении Чаянова к советским проблемам земледелия и кооперации. Остается предположить, что профессор Чаянов, верный своим методам статического и изолированного изучения предметов, подошел и к вопросам сельского хозяйства **вне зависимости от происходящих в последнем процессов**, вне зависимости от общественных отношений, как внутри деревни, так и между деревней и городом.

В изображении Чаянова деревня предстает однородной массой, которая послушно движется по всем уготованным ступеням кооперации, только бы была «признана» незыблемость мелкого хозяйства и семейных начал. Ни в одной из его работ мы не встретили анализа вопросов классового расслоения деревни и влияния этих процессов на судьбы кооперации. Между тем, важнейшие формы кооперирования, например, производственного кооперирования, вырастают именно в результате расслоения и классовой борьбы.

Дальнейшее движение деревни по пути кооперации мы представляем себе как борьбу слоев, заинтересованных в общественно-хозяйственной самозащите, с частным капиталом, стремящимся их эксплуатировать и подчинить. В свете такого понимания станутся ясными, во-первых, сами по себе стимулы, побуждающие крестьянство к кооперированию, во-вторых, необходимость противопоставления крупного общественного производства появляющемуся крупному частному производству, и, в-третьих, нарастание общественно-кооперативных форм вплоть до образования законченной социалистической системы.

Чаянов обходит эти проблемы и фактически, об'ективно, наносит вред тому самому мелкому хозяину, которого намерен защищать.

Провозгласив старый изжеванный принцип буржуазной кооперации, только слегка советизованный Чаяновым, мы широко открыли бы дверь... крупному хозяйству... кулака.

Ирония судьбы такова, что распинавшиеся в любви к мелкому крестьянскому хозяйству, служили всегда фактически богачам, а сторонники марксистских теорий—концентрации—впервые в истории взялись серьезно за помощь мелкому хозяйству.

Но, может быть, Чаянов и, вместе с ним, другие кооператоры, разделяющие те же взгляды, еще не сделали всех шагов на пути к усвоению подлинных идей обобществления. Тогда лучше поспешить, чтобы полнее войти в новое строительство.

Если же перед нами только новый вид сменовеховства, на подобие сменовеховства политического, то участь его сторонников такая же бесславная.

И. Бялый.

К вопросу об эмиссионных возможностях[1]).

I.

О восстановительном процессе.

Необыкновенно быстрый рост является характерной чертой нашего хозяйства. Промышленность наша в 22—23 г. расширилась на 35%, в 23—24 г. на 30%, а в 24—25 г. предполагается ее расширить уже на 70%. Ничего подобного не испытывала она в прошлые годы. За целое пятилетие, с 1908 по 1913 г., произошло расширение только на 43%.

При рассмотрении источников этого роста нужно прежде всего отметить источник, находящийся за пределами промышленности. Мы имеем в виду государственный бюджет, который снабжал промышленность средствами фактически за счет крестьянского хозяйства.

Но только что показанной быстроты развития промышленность достигла не только путем использования сельского хозяйства. Вторым источником быстрого ее роста явились силы, находящиеся внутри ее самой.

В НЭП она вступила в значительно сокращенных, по сравнению с довоенным временем, размерах, что обусловило наличие весьма значительного количества бездействующего основного капитала, легко и без особых затрат могущего быть использованным при расширении производства.

Бездействующий основной капитал, способный участвовать в производстве, полностью не использован еще и поныне. По подсчетам Р. Гордона—он использован на 55%, по данным Дзержинского—на 65%.

Приблизительно так же обстоит дело и с оборотным капиталом. К началу НЭП'а промышленность оборотного капитала также имела в избыточном количестве. Правда, использовать его было несколько сложнее. В силу ненормальностей системы распределения в эпоху военного коммунизма, оборотный капитал, которым обладали наши промышленные предприятия, отличался неправильным строением, диспропорциональностью. Одним видом сырья тресты обладали в избыточном количестве, в то время, как другие они должны были прикупать. Кроме того, тресты обладали и таким сырьем, которое вообще в ближайшее время не могло им пригодиться, т.-е. таким, которое представляло собою неликвидные средства треста. Но все же, улучшая строение своих оборотных средств, постепенно реализуя неликвидные средства, тресты увеличивали размеры своих оборотных капиталов, что облегчало им задачу расширения производства.

[1]) Статья дискуссионная.

Условия гражданской войны, хозяйственная непригодность системы военного коммунизма создали такое положение, когда сплошь да рядом имелись налицо все элементы производства, но производства все-таки не было, так как составные части производства не были пущены в действие. Характерным для восстановительного процесса и является реализация тех производственных возможностей, которые в эпоху военного коммунизма не могли быть использованы. Этим отчасти и об'ясняется необыкновенная быстрота в росте нашего хозяйства. В то время, как обыкновенный рост производства может происходить лишь по мере создания новых элементов производства, переживавшийся нашей промышленностью рост происходил в сильной мере путем производственного сцепления уже имевшихся, но бездействовавших до сих пор старых запасов. Что касается спроса, то с его стороны промышленность в общем не встречала препятствий. Рост производства, как правило, даже отставал от спроса. Кризис осенью 23 года и некоторая заминка в сбыте в начале 24—25 г. не опровергают этого положения, так как они были вызваны временными причинами.

Этот быстрый рост спроса на изделия промышленности об'ясняется, конечно, не только тем, что расширяющаяся промышленность внутри себя самой создает спрос на свою продукцию. Решающую роль здесь играет оздоровление сельского хозяйства.

В сельском хозяйстве происходит тот же процесс, что и в промышленности. После ликвидации войны и военной экономики, рабочая сила возвратилась на пустующие земли, расчлененные элементы производства превратились в производительные силы.

Процесс сцепления раз'единенных производственных элементов в сельском хозяйстве сомкнулся с таким же процессом в промышленности, в результате чего и получился быстрый рост нашего хозяйства.

II.

Новое в нашем сельском хозяйстве.

До каких же пор будет происходить ускоренный темп развития? Можно ли считать, что ускоренный темп уступит место нормальному росту, как только будут использованы старые запасы?

Ответ на эти вопросы нужно искать в состоянии сельского хозяйства. Выше мы далеко не исчерпали того, что в нем происходит. В нем происходит нечто гораздо большее, чем одна только ликвидация военных разрушений.

Новые процессы, происходящие в нашей деревне, отображает следующая табличка, заимствованная нами у Н. П. Огановского:

	% валового дохода от зерновых продуктов.	От интенсивных и технических растений, садоводства и огородничества.	От скотоводства и птицеводства.
1922 г.	50,8	22,2	27,0
1923 „	45,2	25,7	29,1
1924 „	39,1	27,4	33,5

Мы видим здесь весьма сильный рост удельного веса интенсивных и по преимуществу товарных культур. В действительности же процесс товаризации значительно сильнее, чем процесс интенсификации, отображаемый этой таблицей, так как товарность таких культур, как кукуруза, ячмень, скрывается рубрикой зерновых культур.

Очень часто этот качественный рост сельского хозяйства об'ясняют одним только восстановительным процессом: во время войны производство товарных культур сократилось значительно больше, чем нетоварных, и поэтому теперь, когда восстанавливается нарушенное войной равновесие, товарные культуры растут более быстрым темпом. А из этого неизбежно следует, что процесс усиленной интенсификации сельского хозяйства является временным и прекратится как только будет восстановлено нарушенное войною равновесие.

Мы не отрицаем, что восстановительный процесс является одной из причин интенсификации сельского хозяйства. Однако, уже в настоящее время имеется целый ряд признаков того, что переживаемый нашим сельским хозяйством процесс интенсификации и товаризации, кроме этого, имеет еще гораздо более глубокие причины.

По данным П. И. Попова, площадь технических культур в 24 г. равна 108% площади технических культур 1916 года, в то время, как общая посевная площадь в 24 г. составляет только 88% посевной площади 16 года. Эти цифры, как нельзя лучше, говорят, что восстановительный процесс нельзя считать единственной причиной интенсификации сельского хозяйства. Если посевы технических культур перескочили уровень 1916 года в то время, как общая посевная площадь до него далеко еще не дошла, и если, несмотря на это, производство технических культур продолжает расти гораздо быстрее, чем производство зерновых, то совершенно ясно, что усиленная интенсификация сельского хозяйства не связана довоенным уровнем, что есть какая-то новая сила, толкающая вперед нашу деревню.

Нам думается, что отмеченные тенденции суть не что иное, как *первые плоды полного освобождения нашей деревни от феодальных отношений*.

Закованные феодализмом производственные возможности дореволюционной русской деревни использовывались далеко не полностью. Революция же открыла дорогу широчайшему использованию потенциальных сил сельского хозяйства, что и сказалось в усиленной интенсификации его.

Лучшей иллюстрацией того, как уничтожение феодализма развязывает производительные силы деревни, является быстрый рост скотоводства. По данным НКЗ, размеры скотоводства в 1924 году увеличились по сравнению с 23 г.: для крупного рогатого скота на 21%, овец на 39%, свиней на 90%. Рост скотоводства об'ясняется, главным образом, наличием широкой кормовой базы *в виде перешедших к крестьянам от помещиков лугов и пастбищ*, брошенных и залуженных пашен. Если обратить внимание на то, что наличие брошенных и залуженных пашен в значительной мере об'ясняется увеличением крестьянских наделов, явившимся следствием экспроприации помещиков, то станет бесспорным, что быстрый рост скотоводства, главным образом, об'ясняется ликвидацией феодальных отношений.

Может быть, несколько менее наглядно, но отнюдь не менее значительно, влияние этого факта и на другие области сельского хозяйства.

Процесс реализации новых сил только теперь начинается и несомненно долго еще будет стимулировать быстрый рост сельского хозяйства, а за ним и всего народного хозяйства. Когда ускоренный темп развития сменится нормальным ростом, в настоящее время нельзя даже предвидеть.

Несмотря на быстрый рост нашего хозяйства, реализация освобожденных от феодализма производительных сил до сих пор производилась все же недостаточно интенсивно.

Рост скотоводства, например, до сих пор не только не стимулировался, но даже тормозился. Препятствием к его развитию являлось то, что продукты скотоводства не находили сбыта. Так в истекшем году мясо во многих местах крестьяне продавали по 3 коп. за фунт. Непроданное кожсырье представляло собою нормальное явление. В общем так же обстояло дело и с другими продуктами сельского хозяйства. Приведем наиболее разительные примеры.

В 1923 году площадь *ячменя* возросла на 60%. В 1924 году предполагалось дальнейшее расширение на 20%, а вместо этого произошло сокращение (правда, незначительное) на 0,9%. Причиной этому являются скверные условия сбыта. Емкость внутреннего рынка в отношении ячменя совершенно недостаточна (до войны 60% производимого у нас ячменя сбывалось на внешнем рынке), экспорт же этого продукта также производился в незначительных размерах, хотя кон'юнктура на внешнем рынке благоприятна.

Посевы *кукурузы* в 24 г. сократились на 10% вместо ожидавшегося прироста на 20,5%, что также об'ясняется незначительным экспортом. Несмотря на хороший спрос и выгодные дела за границей, несмотря на полную возможность вывезти 25—30 милл. пудов, было вывезено только $8^{1}/_{2}$ милл. пудов[1]).

Посевы *табака* в 1924 г. сократились на Кубани на 20%, по Сухуму на 40%, и валовой сбор табака с 900.000 п. в 1923 г. упал до 550.000 п. в 24 году. Это сокращение в значительной мере произошло вследствие того, что в 23 году заготовительные органы с большим опозданием получили кредиты. Не располагая средствами в нужный момент, они не смогли во время закупить всего произведенного табака, что вызвало падение цен и разорение крестьян-производителей. [2]).

Можно привести множество фактов из разнообразных отраслей нашего хозяйства, показывающих, какие громадные производственные возможности у нас еще не использованы, как много потенциальных сил ждут своей очереди.

Из причин, тормозящих экспорт, нужно прежде всего отметить слабое развитие сельско-хозяйственной индустрии. Многие продукты нельзя полностью скупать просто потому, что из-за неудовлетворительного состояния сельско-хозяйственной индустрии, они не могут быть превращены в годное для экспорта состояние. Точно так же действует плохое состояние транспорта,

---

1) „Народн. х-ство СССР за 1923/24 г." (Обзор кон'юнктурного совета Госплана), стр. 21.

2) С. Молчанов. „Соц. х-ство", кн. 1. 1925 г.

что в свою очередь упирается в недостаточное производство основного капитала.

Однако, кроме этих причин, не поддающихся быстрому устранению, есть еще причины, которые легко можно устранить. Мы имеем в виду недостаточно энергичную работу по экспорту, а также недостаточно полное кредитование сырьевых и экспортных заготовок.

Если экспорт мясных продуктов, масла, яиц и т. п. встречает препятствия со стороны транспорта и плохого состояния холодильного дела, то для экспорта таких продуктов, как ячмень, плодопродукты, железная руда, фанера и т. п., препятствие может встретиться только со стороны оборотных средств. В отношении этих продуктов имеются все условия, необходимые для включения их в общественное производство; нужны только деньги, чтобы привести в движение раз'единенные и бездействующие части его. Необходимые средства должны в виде кредита предоставить банки, которые в свою очередь должны их черпать из эмиссионного источника.

Одна из основных задач кредитной политики в настоящее время должна заключаться в том, чтобы следить за полным удовлетворением потребностей организаций, закупающих сырье, конечно, при условии, если это сырье может быть потреблено внутри страны или экспортировано.

Всякая урезка кредитов, необходимых этим органам, задерживает под'ем нашего хозяйства. Сокращение эмиссии, достигаемое таким путем, не может привести к желательным результатам, ибо, тормозя хозяйственное развитие, оно этим самым ослабляет валюту.

III.

Новые процессы в сельском хозяйстве и промышленности.

Устранение вышеуказанных недостатков облегчит развитие сельского хозяйства, усилит накопление в нем, улучшит положение крестьянства. Но совершенно очевидно, что усиление накопления в сельском хозяйстве не есть исключительно сельско-хозяйственное явление. Оно, несомненно, будет питать быстрое развертыванию промышленности. Предположим, что недостатки кредитования устранены, и посмотрим, как интенсификация сельского хозяйства повлияет на промышленность.

Рост интенсивности и товарности сельского хозяйства влечет за собой увеличение покупательной способности сельского населения, что требует развертывания промышленности. Этот же процесс создает сырье для промышленности. Поскольку широко кредитуются заготовки сырья, постольку оно (сырье) превращается в оборотный капитал, потребный для расширения производства, без затраты собственных средств со стороны промышленных предприятий. Правильное кредитование сырьевых заготовок в наших условиях всегда способно дать промышленности дополнительные сырьевые средства в размере, достаточном для расширения производства.

Но проблема оборотного капитала облегчается еще наличием довольно значительных неликвидных оборотных средств, которые будут увеличивать размеры оборотного капитала по мере расширения производства.

Конечно, ошибочно было бы думать, что сразу можно достигнуть полной ликвидности всех оборотных средств. Наличие у наших промышленных предприятий неиспользуемых товаров, об'ясняется, конечно, не столько тем, что их не умеют использовать, сколько тем, что при данных размерах производства и при данном составе вырабатываемой продукции они не могут быть использованы. При расширении же производства сырьевой продукт, который до того находился в избыточном количестве, будет потребляться полностью, т.-е. целиком вступит в число действующих оборотных средств; при увеличении ассортимента производимых товаров многие сырьевые продукты, до того совершенно не пригодные для производства, также обратятся в действующие оборотные средства и т. п.

Таким образом, усиление товарности сельского хозяйства создает для промышленности новые сырьевые средства и этим способствует ее расширению; расширение же промышленности дает возможность более производительно использовать старые оборотные средства и этим удешевить продукцию. Широкое кредитование сырьевых заготовок, вызывая расширение производства, понижает цены товаров и, следовательно, повышает покупательную способность валюты. Эмиссия в данном случае способствует укреплению валюты.

До сих пор мы перспективы развертывания промышленности рассматривали под углом зрения оборотного капитала и спроса на ее продукцию. Между тем наиболее сложной проблемой является проблема основного капитала.

По вышеприведенным данным т. Дзержинского расширять производство за счет старого основного капитала мы сможем в течение одного года.

Однако, это еще не означает, что основным капиталом наша промышленность на год обеспечена. По отношению ко всей промышленности в целом у нас может существовать 35% неиспользованного основного капитала, а в отдельных отраслях и отдельных предприятиях весь старый запас может быть исчерпан, и расширение производства не сможет происходить без восстановления изношенных частей и без создания новых оборудований. Такое положение и характерно в настоящее время для нашей промышленности. Для ее дальнейшего расширения, на ряду с использованием старого, необходим новый основной капитал.

Таким образом, проблема основного капитала является наиболее трудной. Растущее производство будет встречать препятствия больше всего с этой стороны. Однако она отнюдь не является неразрешимой.

Каковы же источники средств, необходимых для расширения и реконструкции нашего производственного аппарата?

Прежде всего нужно отметить увеличение эффективности тех средств, которые выделяет для этой цели сама промышленность в виде амортизационных отчислений.

У нас все время большое количество средств тратилось на содержание «консервированных» предприятий и на недостаточно загруженные предприятия. В дальнейшем же, по мере того, как вместе с расширением производства, все годные предприятия будут загружаться, по мере того, как консервированные предприятия будут втягиваться в производственный процесс, а со-

вершенно негодные для этой цели продаваться на слом, по мере этого производственных затрат будет требовать только тот капитал, который сам участвует в создании ценности. Это дает возможность восстановлять основной капитал в гораздо большей степени, чем это делалось до сих пор.

Так как быстрая загрузка основного капитала стимулируется усиленной товаризацией сельского хозяйства, то эту последнюю (товаризацию) можно считать косвенной причиной усиления эффективности амортизационных отчислений.

Но благотворное влияние товаризации сельского хозяйства на разрешение проблемы основного капитала этим отнюдь не исчерпывается. Выше мы старались доказать, что, при правильном кредитовании с.-хоз. производства и энергичной экспортной политике, можно было бы значительно увеличить экспорт с.-х. культур и сократить импорт сырья. Это усилило бы приток к нам золота, которое могло бы быть использовано для оказания промышленности долгосрочного кредита на восстановление основного капитала. Другими словами, при достаточно полном кредитовании с.-х. производства можно было бы увеличить количество ввозимых из-за границы товаров и изменить в нашу пользу их состав: вместо сырья, которым подымающееся сельское хозяйство в большей, чем теперь, мере смогло бы обслужить промышленность, мы ввозили бы основной капитал, недостаточность которого является единственным препятствием быстрому поступательному движению, совершаемому нашим хозяйством.

Следует помнить, что правильным кредитованием сырьевых и хлебных заготовок мы считаем отнюдь не беспредельное кредитование, а лишь такое, которое будет соответствовать нашим внутренним потребностям и возможностям экспорта.

Экспортные же возможности, как мы выше указывали, ограничиваются не кон'юнктурой на внешнем рынке (кон'юнктура на внешнем рынке для наших товаров благоприятна), а причинами, находящимися внутри нашей страны, и, главным образом, низким состоянием сельско-хозяйственной индустрии. Следовательно, одной из основных задач экономической политики в настоящий момент является создание сельско-хозяйственной индустрии.

По мере того, как будет разрешаться эта задача, будут расширяться экспортные возможности, будет улучшаться платежный баланс, разрешаться проблема основного капитала, а вместе со всем этим усиливаться темп роста нашего хозяйства.

Резюмируем сказанное. Происходящее расширение нашего хозяйства нельзя об'яснить одним только использованием довоенных ресурсов. Кроме этого, оно имеет своим базисом использование тех производственных возможностей, которым не давали ходу феодальные отношения дореволюционной России.

Поступательные толчки наше хозяйство будет получать из сельского хозяйства, давно созревшие производительные силы которого еще только начинают развертываться. Вследствие этого стремительный рост хозяйства не связывается довоенным уровнем и будет происходить еще долго после того, как этот уровень будет превзойден.

Процесс товаризации и накопления в сельском хозяйстве и вызываемый им процесс расширения промышленности в настоящее время тормозится скверным состоянием рынка сбыта для сельско-хозяйственных культур.

При безусловно благоприятной для наших товаров кон'юнктуре на внешнем рынке, главным препятствием для их экспорта является низкое состояние сельско-хозяйственной индустрии, находящееся в теснейшей зависимости от недостаточного производства основного капитала. По мере устранения этого недостатка будет устраняться об'ективное препятствие реализации колоссальных производственных возможностей нашей страны, и усиливаться темп роста нашего хозяйства.

Но кроме об'ективного препятствия существовало до сих пор еще и суб'ективное, которое заключалось в недостаточно полном кредитовании реализации сельско-хозяйственных культур.

IV.

Об эмиссионных возможностях.

Изложенный выше взгляд на кредитование заготовок сырья ставит перед нами вопрос о так называемых эмиссионных возможностях.

Обширная литература по этому вопросу его далеко не исчерпала. Все литературные выступления на эту тему можно разбить на две противоположные группы, из которых одна доказывает наличие широких эмиссионных возможностей, в то время, как другая стоит на противоположной точке зрения. Но, несмотря на разные выводы, обе эти группы пользуются одним и тем же методом, который, на наш взгляд, годен для решения одной только части проблемы, но не всей проблемы в целом.

Они решают вопрос об эмиссионных возможностях, сравнивая отношение денежной массы к товарообороту у нас с довоенным отношением и внося разные поправки на счет происшедших в нашем хозяйстве изменений.

Поступая таким образом, они исходят из того бесспорного положения, что во избежание инфляции, необходимо сохранить соответствие между денежной массой и размерами товарооборота. Но при этом они упускают из виду разницу между казначейской эмиссией и банковской и подходят к проблеме эмиссионных возможностей с точки зрения казначейской эмиссии.

Фактически они исходят из того, что эмиссия приходит в товарооборот извне, застает определенно данные размеры его и, увеличивая денежную массу, меняет тем самым ее отношение к товарообороту. Пользуясь этим исходным пунктом, одна из спорящих сторон всевозможными вычислениями старается доказать, что отношение денежной массы к товарообороту у нас ниже, чем следует, и что поэтому эмиссионные возможности использованы неполностью; другая сторона находит это отношение нормальным и предостерегает от эмиссии.

Будучи пригодным для решения вопроса о размерах казначейских эмиссий, этот подход недостаточен, когда речь идет о банковской эмиссии.

В то время, как казначейская эмиссия, направляясь непосредственно в сферу обращения, усиливает денежную массу и уменьшает товарную, банковская эмиссия, наоборот, идет в конечном счете в производство и увеличивает спрос только потому, что

увеличивается производство. В то время, как казначейские эмиссии увеличивают потребительский спрос, банковские эмиссии увеличивают спрос производительный, т.-е. такой, который не уменьшает товарную массу, а, наоборот, увеличивает ее. Банковские эмиссии могут изменить размеры денежной массы, но не изменить ее отношения к товарообороту.

Вопрос о размерах банковских эмиссий нужно, следовательно, решать не с точки зрения одних только явлений обращения, а с точки зрения всего процесса производства, включающего в себя, как собственно производство, так и обращение.

В связи с этим не безынтересно будет привести мнение Л. Волина:

«Реальное расширение товарооборота в более или менее значительных размерах и на длительный период может быть результатом только органического процесса развития и оздоровления народного хозяйства, требующего продолжительного времени и постепенного накапливания реальных средств или вложения их со стороны». (Курсив наш) [1]).

Волин был бы прав, если бы речь шла о нар. хозяйстве, переживающем обычный темп расширения. Там действительно крупная банковская эмиссия не может своевременно вызвать такое расширение производства, которое удовлетворило бы возросший спрос. Но подходить к нашему хозяйству с критерием нормального роста, значит заранее обречь себя на бесплодные выводы.

Выше мы старались доказать, что наше сельское хозяйство обладает материальными благами, которые при правильном кредитовании превратятся в элементы призводства (у нас в стране или через посредство экспорта, за границей), а в противном случае окажутся продуктами натурального крестьянского хозяйства, а то и вовсе прекратят переживать процесс воспроизводства, как это было с кукурузой, ячменем и др. Наша банковская эмиссия расширяет производство не тем, что заново создает его элементы, а тем, что изменяет функциональное бытие уже произведенных материальных благ, превращая их из продуктов натурального крестьянского хозяйства в составные части общественного производства.

Рассматривая банковскую эмиссию таким образом, мы подходим к ней с точки зрения производства, ибо гвоздем вопроса для нас является то, что эмиссия доставляет общественному производству необходимые составные части. Но вместе с этим мы, в противоположность Л. Волину, не исходим из обыкновенного капиталистического производства, а учитываем новые процессы, возникшие в связи с полной ликвидацией феодализма. К сожалению, защитники «эмиссионной позиции» не сделали эти новые процессы своим исходным пунктом, вследствие чего даже самый убедительный из них (Громан) не пошел дальше частичного разрешения проблемы.

После этих общих замечаний и для доказательства правильности их обратимся к рассмотрению конкретных процессов, которые могут быть вызваны банковской эмиссией.

[1]) „Экономич. Обозрение", № 1, январь 1925 г.

Правильное кредитование сырьевых заготовок увеличивает возможность реализации крестьянской продукции и этим самым усиливает покупательную способность крестьян. Совершенно очевидно, что на этой стадии нет даже и намека на инфляцию: банковская эмиссия идет на закупку ненаходившей до того времени сбыта крестьянской продукции. Но что произойдет дальше?

Купленная у крестьян при помощи банковской эмиссии продукция частью в виде сырья пойдет на расширение промышленности, частью будет вывезена за границу. Кроме того, произойдет смыкание новых процессов в сельском хозяйстве с новыми процессами в промышленности: увеличившаяся покупательная способность крестьянства усилит спрос на продукты расширившейся промышленности.

Для того, чтобы не произошло вздутия промышленных цен (что могло бы уменьшить покупательную способность валюты), нужно, чтобы промышленность расширилась соответственно усилению спроса на ее продукцию. Сможет ли промышленность расти в такой мере?

Со стороны сырья препятствий, конечно, не встретится, ибо процесс увеличения покупательной способности крестьянства есть одновременно процесс увеличения сырья у промышленности. Со стороны рабочей силы в наших условиях при безработице, перенаселении в сельском хозяйстве, при широком развитии и еще более широких перспективах кустарной промышленности—также не встретится затруднений.

Единственно трудной проблемой, как мы уже и говорили, является проблема основного капитала. Но и она не является неразрешимой. В этом году наша промышленность расширяется на 70%. Такое расширение достигается частично путем использования незагруженного основного капитала, частично путем импорта необходимых частей производственного аппарата. На будущий год первый источник сократится, но за то увеличится второй, особенно если энергичная экспортная политика и правильное кредитование изменят платежный баланс в указанном выше направлении. Если же все-таки состояние основного капитала не позволит довести промышленность до размеров, способных удовлетворить возросший спрос, то образовавшийся пробел будет восполнен кустарной промышленностью, которая как раз в этом году получает широкие возможности развития.

Таким образом, банковская эмиссия, если только она получит правильное направление, не только не создаст инфляции, но, наоборот, расширит производство, уменьшив расходы, снизит цены и, следовательно, укрепит валюту. Непонятным парадоксом это является только для того, кто отождествляет кредитную эмиссию с казначейской.

Мы рассмотрели шаг за шагом процессы, возникшие в связи с кредитованием реализации сельско-хозяйственной продукции и убедились, что правильно использованная банковская эмиссия отдаляет народное хозяйство от инфляции, а не приближает к ней. Но выше мы предполагали кредитование не только реализации сельско-хозяйственной продукции, но в некоторых случаях и производство ее. Рассмотрим, не вызовет ли инфляцию банковская эмиссия, использованная таким образом.

Нельзя отрицать, что рассмотренные выше случаи кредитования производства отличаются от кредитования заготовок уже произведенного сырья, прежде всего тем, что спрос они увеличивают немедленно, а производство расширяют только через год.[1]).

Здесь, конечно, кроется опасность инфляции.

Однако, процесс быстрого роста нашего хозяйства, таит в себе силы, которые легко смогут преодолеть только что указанную опасность инфляции.

Обращаясь к рассмотрению этих сил, нужно прежде всего отметить, что из средств, внедряемых через эмиссию в сельское хозяйство, только часть возвращается в промышленность в виде спроса на ее продукцию. Другая же часть остается в самом сельском хозяйстве. При наличии довольно широкого разделения труда в сельском хозяйстве, одна отрасль его пред'являет спрос на продукты другой отрасли. Вследствие этого спрос, пред'являемый сельским хозяйством на продукты промышленности, увеличивается в меньшей мере, чем кредитование сельского хозяйства.

Во-вторых, как совершенно точно установил В. Г. Громан, у нас происходит процесс замедления оборота монеты, каковой будет продолжаться и в дальнейшем.

На это положение обрушился Л. Волин, указывая, что замедление оборота денег было понятно на другой день после денежной реформы, но совершенно необ'яснимо теперь, когда прошло уже 1½ года после ее проведения; что теперь, с общим укреплением нашего хозяйства, обороты денег должны ускоряться, а не замедляться. Совершенно очевидно, что эти возражения не в состоянии поколебать положения В. Г. Громана.

За военные годы население обеднело на столько, что полностью прекратило сколько-нибудь крупные покупки, требующие накапливания денег. Покупались вещи безусловно необходимые, дешевые, главным образом, предметы питания. Вследствие этого ускорялось обращение денег. Улучшение же благосостояния населения, вызванное хозяйственным ростом страны, дало ему возможность возобновить более солидные покупки, требующие накапливания денег и, следовательно, приводящие к сокращению их оборота.

Так как благосостояние населения в настоящее время далеко еще не достигло нормального уровня, то процесс сокращения оборота денег отнюдь нельзя считать закончившимся. Это обстоятельство не нужно недооценивать. Оно означает, что спрос, вызываемый эмиссией, будет отставать от ее размеров.

Таким образом, если выше мы установили, что из эмиссионных средств, направляемых в сельское хозяйство, только часть пред'явит спрос на изделия промышленности, то теперь мы видим, что покупательная сила и этой части, под влиянием сокращения оборота денег, имеет тенденцию уменьшаться.

Третьим фактором, способным предохранить наше хозяйство от инфляции, является плановый характер его.

Соответствующие хозяйственные органы в известной мере заранее могут учесть предстоящее увеличение спроса и подготовить к нему промышленность. Тем более, что в наших условиях со стороны сырья особых препятствий не может встретиться.

---

[1]) Напоминаем, что мы отнюдь не считаем возможным долгосрочное кредитование производства за счет эмиссии.

Наконец, как мы уже указали, не малую роль в борьбе с товарным голодом в состоянии сыграть наша кустарная промышленность.

Принимая во внимание все только что изложенное, вряд ли можно утверждать, что сравнительно незначительное увеличение спроса, вызванное авансированием (весьма ограниченным) производителей сырья, приведет к инфляции.

Из всего сказанного видно, что мы так же, как и Громан, Киселев, Волин и все другие, считаем необходимым нормальное соответствие между денежной массой и товарооборотом. Но в противоположность им, мы не игнорируем активную роль банковской эмиссии, мы принимаем во внимание, что при наличии известных условий она становится фактором увеличения товарооборота. А условия, в которых находится наше хозяйство позволяют банковской эмиссии играть такую роль.

Наше хозяйство вступает в период реализации новых возможностей, вследствие чего сельское хозяйство с каждым годом будет предоставлять все большее и большее количество продуктов, которые потребуют для своей реализации, а отчасти и производства, новых банковских эмиссий.

Размеры новых эмиссий зависят от размеров той продукции, которую эмиссии могут втянуть в товарооборот. А так как, согласно вышеизложенного, продукция эта будет все больше и больше увеличиваться, то вместе с нею все больше и больше будут расширяться эмиссионные возможности.

В каждый данный момент, при данном состоянии товарооборота, денег может больше и не требоваться, но, несмотря на это, все же можно произвести новую эмиссию, если только она сможет втянуть в оборот новую товарную массу.

Имея такие широкие перспективы, наша банковская эмиссия должна считаться только с тем, чтобы в каждый данный момент не нарушить равновесия в народном хозяйстве, чтобы увеличению спроса, который она вызывает, соответствовало как по размерам, так и по быстроте, увеличение производства. Эта задача весьма сильно затрудняется недостатком основного капитала и ограниченными экспортными возможностями, однако, небольше, как затрудняется.

Вот как в самом общем виде по нашему следует разрешать проблему эмиссионных возможностей. Но это есть только общее решение вопроса, методология проблемы эмиссионных возможностей, которая отнюдь не решает вопроса о допустимости эмиссий в каждый данный момент.

М. Голендо.

Урожай 1925 года и перспективы его реализации.

Урожай и народное хозяйство.

Нечего доказывать, какое огромное значение имеет урожай в экономике нашей страны, в темпе развития народного хозяйства. СССР является до сих пор по преимуществу страной сельско-хозяйственной. Наш удельный экономический вес на мировом рынке определяется в первую очередь размерами нашего экспорта, т. е. количества с.-х. товаров, которые мы в состоянии ежегодно выбрасывать на мировой рынок. А размер нашего экспорта целиком зависит от размеров урожая.

От того, какое количество хлеба, льна, продуктов животноводства мы сумеем вывезти за границу, зависит в значительной мере и размер нашего импорта, т. е. ввоза. На данной ступени развития народного хозяйства импорт имеет большое значение. Мы вплотную подходим к полному использованию старого технического оборудования нашей промышленности. Дальнейший рост народного хозяйства требует расширения нашей промышленности, постройки целого ряда новых заводов, а также замены старого технического оборудования новым на уже существующих заводах. Все это оборудование и переоборудование нашей промышленности нам придется преимущественно вывозить из-за границы.

Не меньшее значение имеет урожай и для дальнейшего под'ема сельского хозяйства, особенно для развития животноводства. Если взять кривую роста нашего животноводства, то она сильно поднимается в момент урожая, а затем сильно падает в момент недородов и неурожая. Хороший урожай вольет больше ценностей в сельское хозяйство, увеличит накопление в нем, поднимет покупательную способность крестьянства, и тем самым расширит емкость внутреннего рынка для промышленности, вызовет ее более быстрый рост.

Если мы взглянем на кривую наших урожаев за последние 30—40 лет, то она представляется необычайно ломанной кривой. Колебания вверх и вниз от средней будут огромны. Через каждые три-пять лет, относительно благополучных по урожаю, следовал один-два года недородных или неурожайных. И те достижения, которые делало сел. хоз-во за несколько лет урожая, сводились на нет одним неурожайным годом. Примеры этого еще свежи в нашей памяти.

Та низкая техника, которой характеризуется наше сельское хозяйство и особенно полеводство, ставит урожай в полную зави-

симость от погоды. В странах, где сельское хозяйство стоит на высоком уровне техники, влияние погоды на урожай несравненно меньше: отклонение в ту или другую сторону в урожайные и неурожайные годы не превышает 20%, тогда как у нас эти колебания доходят до 70—80%.

Вот почему с таким напряженным вниманием вся страна следит изо-дня в день за теми сведениями, которые идут с полей в связи с той или иной погодой.

Сухая осень прошлого года и особенно резкие изменения погоды прошедшей зимы внушали серьезную тревогу за судьбу урожая. Предполагалась гибель озимых на огромной площади. Правительство предпринимало меры на случай возможного пересева; ассигновывались соответствующие суммы на заготовку яровых, готовили транспорт для перевозки их. Но еще первые сведения, которые приходили с полей ранней весной, рассеивали эту тревогу. Озимые, которые считались наверное погибшими, зеленели, оживали. В дальнейшем эти сведения целиком подтвердились; наши опасения рассеялись. Гибель озимых не превышала обычного %, который бывает каждый год. Ранняя теплая весна с каждым днем веселяла бодрость и уверенность за судьбу урожая. Оценка видов на урожай каждое 15-е и 1-е повышалась.

К настоящему моменту урожай уже целиком определился, как выше среднего. Уже повсеместно идет или заканчивается уборка урожая, вот почему мы имеем возможность с большей или меньшей точностью определить размеры урожая 25 года.

Размер урожая зерновых хлебов.

Размер урожая зерновых хлебов зависит, с одной стороны, от размеров посевной площади, а с другой—от размеров сбора с единицы посевной площади. Начиная с 1922 г., мы наблюдали непрерывный рост посевных площадей; при чем темп этого роста непрерывно из года в год замедлялся. Если в 1923 г. прирост посевной площади составлял 18%, то в 1924 г. уже 6%, а в 1925 г.—только 4%. Посевная площадь главных яровых хлебов в 1924 г. составляла 69 милл. десятин, а в 1925 г.—72 милл. десятин.

Этот прирост посевных площадей за 1925 г. был неравномерен по всем районам. Возрастание выразилось:

	В %		В %
Потребляющая полоса . . .	2	Киргизия	11
Производящ. полоса и Крым	5	Сибирь и ДВО	13
Сев. Кавказ	7	Украина	1

Расширение посевных площадей произошло, главным образом, за счет производящих районов и окраин.

На 15-е июля виды на урожай Центр. Стат. Управлением оценивались в 3,4 балла, что составляет сбор на десятину около 57 пудов, против 41 пуда сбора прошлого года. При такой оценке

валовой сбор составит не меньше 4 миллиардов пудов (4,025 миллионов) [1]).

Эта оценка является далеко не точной, а приблизительной. Здесь возможны ошибки на сотню, а то и другую милл. пудов. Более точное определение размеров урожая мы будем иметь только в конце сентября, когда выявится фактический сбор с десятины. Однако, заранее можно сказать, что цифра в 4 миллиарда пудов исчислена осторожно. Ежедневно приходящие сведения со всего Союза о фактическом сборе урожая говорят о том, что мы скорее преуменьшили размер валового сбора зерновых хлебов, чем преувеличили его [2]).

Посмотрим, как распределяется этот общий сбор в 4 миллиарда по отдельным районам.

	В мил. пуд.	Процент ко всему сбору.	
Производящая полоса	1.305	32,5	72%
Украина	1.125	28,5	
Сев. Кааказ	465	11	
Потребляющая полоса	490	12	
Сибирь	360	9	
Киргизия	100	2,5	
ЗСФСР	95	2,3	
Туркестан	85	2,2	
Итого	4.025	100	

Мы видим, что 72% валового сбора по всему Союзу приходится на три основных района: производящую полосу, Украину и Сев. Кавказ. Увеличение валового сбора в этом году произошло, гл. образом, за счет увеличения сбора по этим трем районам. В 1924 г. они дали 1.800 милл., а в 1925 г. 2.895 милл. пуд., т.-е. на 1.095.000.000 больше, чем в прошлом году.

Товарная часть хлебной продукции.

Нас особенно должно интересовать, какое количество хлеба из общего валового сбора будет выброшено на рынок.

Рыночная часть хлебной продукции каждого года—величина переменная. Она зависит от размера урожая, потребности на обсеменение полей, размеров внутрихозяйственного потребления самого крестьянства и, наконец, рыночных цен. При высоких ценах на хлеб крестьянин сокращает внутрихозяйственное потребление хлеба и старается возможно больше его продать на рынке. Наоборот, когда цены низки и невыгодны крестьянину, он расходует хлеб на такие потребности, на которые в другое время и не вздумал бы. Так было в 1923 г. при обильном урожае кукурузы. Рыночные цены на нее стояли 5—10 коп. пуд. Прода-

[1]) Мы здесь, как и в дальнейшем, пользуемся данными ЦСУ по оценке урожая на 1/VII, внося соответствующие поправки на основании позднейших сведений. Экономико-стат. секция Госплана производит ежегодные подсчеты размера урожая методом балансового расчета. Подсчет этим методом дает превышение сбора урожая, примерно, на 12%, против исчисления ЦСУ. Урожай в 1925 г., по расчетам Стат.-эконом. секции, определится в 4.650.000.000 пудов. Однако, нас особенно интересующую товарную часть урожая, оба учреждения определяют, примерно, в одинаковых цифрах. Происходит это оттого, что Экон.-стат. секция Госплана берет более повышенные нормы внутрикрестьянского потребления.

[2]) Статья уже была набрана, когда были опубликованы оценки урожая ЦСУ на 1-е августа, определяющие цифру сбора в 4.200 милл. Таким образом, наши предположения оправдались.

вать за такую цену кукурузу не было никакого расчета, и гораздо выгоднее было употреблять ее на топку печей, что крестьяне и делали. Поэтому, при определении товарных излишков, мы при своем расчете заранее будем предполагать, что рыночные цены на хлеб в этом году будут для крестьянина более или менее приемлемыми.

Размер потребных семян на 1925/26 хоз. год определяется в 650 милл. пудов. Здесь учтено также возможное расширение посевной площади на 5%.

Норма потребления крестьянского хлеба на собственное питание и корм скоту устанавливается двумя ежегодными обследованиями питания населения. В урожайные годы норма питания населения, а особенно скота, несколько увеличивается; поэтому мы будем делать для предстоящего года некоторую надбавку на норму питания, установленную в предшествующие годы. Эти нормы по отдельным районам далеко неодинаковы. Они колеблются от 10 пуд. по б. Киргизской Республике до 25 пуд. на душу населения по Сев. Кавказу. В среднем же по всему Союзу потребность населения в питании и корме скоту на 1926 год взята в 21,3 пуд. на душу, что даст общую потребность в 2.300.000.000 пуд.

Во всякий урожайный год население откладывает некоторые запасы, которые являются страховкой на случай неурожая. Таких запасов будет отложено в 1926 г. не меньше 100 милл. пуд.

Таким образом, потребности сел. населения выразятся: 650 миллионов пудов семян+2 миллиарда 300 милл. пуд. питания++100 милл. пуд. запаса, а всего 3.050 милл. пудов. Отсюда товарные излишки определятся: 4025 милл.—3050 милл., что составит 975 миллионов или около 1 миллиарда. Сюда не входят мелкие внутрикрестьянские покупки и продажи, которые определяются не меньше, чем 500 миллион. пудов. Миллиард пудов—это те излишки, заготовителем и потребителем которых будет городской рынок.

Сопоставим валовой сбор и товарные излишки по отдельным главнейшим районам.

	% к общему валовому сбору по СССР.		% к товарным излишкам по СССР.	
Производящая полоса	32,5	72	23,5	85,5
Украина	28,5		41	
Сев. Кавказ	11		21	
Сибирь	9		10	
Киргизия	2,5		4,5	
Остальные районы	16,5		—	
Итого	100		100	

Основные излишки концентрируются в трех производящих районах, которые дают 85,5% товарных излишков всего Союза при валовом сборе в 72%. Наиболее товарным районом является Сев. Кавказ, где удельный вес товарных излишков почти вдвое (11% и 21%) превышает удельный вес этого района в вало-

вом сборе. Следующим районом по товарности идет Украина. Если относительная товарность Украины меньше Сев. Кавказа, то зато по абсолютным размерам товарных излишков она стоит на первом месте и дает 41% всех излишков Союза. И, наконец, производящая полоса, которая хотя и дает 23,5% всех излишков, но при ее валовом сборе в 32,5% товарность этого района значительно меньше предыдущих двух.

Наличие 85% всего товарного хлеба в районах, расположенных вблизи жел.-дор. линий и водных путей, дает уверенность, что их легко можно будет извлечь и перевезти, куда необходимо.

У кого находятся товарные излишки.

Основным производителем, а также поставщиком хлеба на рынок являются единоличные крестьянские хозяйства. Им принадлежит 98% всего валового сбора хлеба и 97% его товарной части. Остальная, ничтожная доля, приходится на совхозы и коллективные хозяйства.

Мы знаем, что отдельные крестьянские хозяйства экономически не равны между собой. Среди них есть беспосевные, которые никакого хлеба своего не имеют, и, значит, у них и никаких излишков не может быть. Есть малопосевные, у которых даже при полуголодной норме своего хлеба не хватает или едва хватает. Наконец, есть многопосевные, у которых имеются излишки, поставляемые на рынок.

Посмотрим, каков будет хлебофуражный баланс в 1925/26 г. у отдельных групп крестьянских хозяйств.

Хлебофуражный зерновой баланс 1925/26 с. х. г. по группам посева по расчету на 1 душу в пудах [1]).

(По СССР, без КССР, ЗСФСР и Средней Азии).

Посевные группы.	Валовой сбор.	Чистый сбор.	Потребность (продовольствие, корм скота).	Избытки (+) и недостатки (—) за покрытием потребности.	
				В пудах на 1 душу.	В % к валовому сбору.
1. Без посевв	—	—	17,5	— 17,5	—
2. С посевом до 1 дес.	9,5	7,9	18.1	— 10.2	— 107
3. " от 1,1 до 2,0 д.	18,9	15,7	19,3	— 3,6	— 19
4. " " 2,1 " 3,0 "	27,6	22,9	20.3	+ 2,6	+ 9
5. " " 3,1 " 4,0 "	36,2	30,1	21.1	+ 9,0	+ 25
6. " " 4,1 " 6,0 "	48,7	40.8	22,0	+ 18,8	+ 39
7. " " 6,1 " 8,0 "	66,0	55,8	23,3	+ 32,5	+ 49
8. " " 8,1 " 10,0 "	81,8	69,8	24,2	+ 45,6	+ 56
9. " " 10,1 " 16,0 "	104,0	89,9	25,4	+ 64,5	+ 62
10. " свыше 16,0 "	165,9	144,5	27.9	+ 116,6	+ 70
Итого в среднем	35,5	29,8	20,6	+ 9,2	+ 26

[1]) Расчет сделан на сельское, бюджетно-связанное население.

Из этой таблицы ясно видно, что обеспеченность хлебом различных слоев деревни будет далеко не одинакова.

Хозяйство, засевающее всех культур до 1-й десятины, имеет валовой сбор 9,5 пудов, а чистый—7,9 пуд. при средней потребности в 18,1 пуда. Дефицит—10,2 пуда на душу. Точно так же дефицитной является группа с посевом до 2 десятин.

Только группы с посевом от 2—3 десятин сводят свой хлебофуражный баланс без дефицита, даже с некоторым, правда, весьма незначительным, излишком, в 2,6 пуда на душу.

Хозяйство с посевом от 3—4 десятин уже могут отчуждать излишков по 9 пудов на душу; с посевом от 4—6 десят. отчуждение уже больше 15 пуд. на душу. Это возрастание отчуждения все увеличивается и доходит в хозяйствах, сеющих свыше 16 десятин, до 116,6 пуд. на душу.

Процент отчуждения по отношению к валовому сбору также возрастает, доходя уже в группе сеющих с 6—8 десятин до 50%, а в группе, сеющей свыше 16 десят. до 70%.

Какой же удельный вес составляет каждая группа, как в общем валовом сборе, так и в рыночных излишках? Следующая таблица дает нам представление, кто является владельцем главной массы рыночного хлеба.

Вес отдельных посевных групп в общей массе населения и в производстве хлебов.

(По СССР без Туркест., ЗСФСР и КССР).

Группы по посеву.	Хозяйств.	Население.	Валовой сбор.	Избытки.	Недостатки.
Без посевв	4,3	3	—	—	22
С посевом до 1 дес.	13,7	12	3	—	44
" от 1,0 — 2,0 дес.	23,4	22	12	—	34
Итого	41,4	37	15	—	100
С посевом от 2,0 — 3 дес.	19,6	20	16	3	—
" " 3 — 4 "	13,2 } 46,6	14 } 49	15 } 52	11 } 39	—
" " 4 — 6 "	13,8	15	21	25	—
" " 6 — 8 "	5,8	7	12	19	—
" " 8 — 10 "	2,7 } 12,0	3 } 14	7 } 33	12 } 61	—
" свыше 10 "	3,5	4	14	30	—
Итого	58,6	63	85	100	—
Всего	100	100	100	100	100

У нас 41,4% крестьянских дворов, составляющих 37% крестьянского населения с посевом до 2 десятин владеют только 15% валового сбора. Даже в этом году, при хорошем урожае, они не могут покрыть своей потребности в хлебе и вынуждены

покрывать свои недостатки покупкой хлеба у более зажиточных. Эти 41,6% пролетарских и полупролетарских слоев деревни и представляют собой тот внутренний крестьянский рынок, который поглощает до 500 миллионов пудов хлеба, не входящего в излишки, выбрасываемые на городской рынок.

Группы крестьянских хозяйств с посевом от 2—3 десятин, составляющие 19,6% дворов и 20% всего крестьянского населения, владеют 16% валового сбора, уже сводят концы с концами и даже дают незначительные излишки, составляющие 3%.

И только крестьянские хозяйства, с посевом от 3—6 десятин и выше, дают заметные излишки. При чем удельный вес их излишков все увеличивается, в то время как удельный вес населения этих групп уменьшается. Так группа, имеющая свыше 10 десятин, составляет всего лишь 3,5% дворов, 4% населения, владеет 14% валового сбора и 30% излишков.

Все крестьянские хозяйства мы можем разбить на три группы.

Первая группа—это беднота, у которой не только нет излишков, но и не хватает своего хлеба. Она составляет 41,6% дворов и 37% населения.

2-я группа—середняцких хозяйств—уже сводящая свой хлебофуражный баланс без дефицита и с некоторыми излишками. Такие хозяйства составляют 46,6% дворов и 49% населения. Им принадлежит 52% валового сбора и 39% излишков.

3-я группа—зажиточного крестьянства. Они составляют 12% дворов и 14% населения, им принадлежит 33% валового сбора и 61% излишков.

Итак, главная масса всех излишков—61% находится у небольшой группы зажиточного крестьянства, составляющего всего 12% дворов и 14% населения.

Хлебозаготовки 25/26 года.

Наличие на нашем рынке одного миллиарда пудов хлебных продуктов, потребует огромного напряжения государственного хлебозаготовительного аппарата. С 1917 г. мы не имели такого урожая и тем более не могли иметь таких излишков. В хлебозаготовительную кампанию 1923/24 г. мы заготовили около 300 миллионов пудов; столько же или немногим больше заготовили и в 24/25 году.

Для того, чтобы быть хозяевами на хлебном рынке, а главное, чтобы не допустить сильного падения цен, мы должны в предстоящую хлебозаготовительную кампанию заготовить почти в 3½ раза больше, чем в прошлые годы. Такое увеличение хлебозаготовок потребует огромного напряжения нашего государственного и кооперативного хлебозаготовительного аппарата.

Однако, при всем напряжении справиться с задачей заготовки одного миллиарда пудов только силами плановых хлебозаготовителей мы не сможем. К этой работе надо широко привлечь местные органы и частный капитал. Политика зажима, административного запрещения заготовок частному капиталу в этом году, не должна иметь места. Иначе мы стоим перед опасностью, что те громадные излишки, которые имеются у крестьянства и которые оно выбросит на рынок, не найдут достаточного спроса, и цены полетят вниз. Перед такой опасностью мы стоим, и это надо ясно осознать.

Увеличивающаяся роль частного хлебозаготовителя в урожайные годы нам не так опасна, как в неурожайные. В неурожайные годы частный хлебозаготовитель, сосредоточивая в своих руках большие излишки хлеба, может задерживать их и тем самым взвинчивать цены при недостатке хлеба для потребления внутри страны. В этом году опасности взвинчивания цен нет. Заготовленный частным капиталом хлеб будет реализован на внутреннем рынке, преимущественно в городах, и если он размещен здесь не будет, то в экспорт он может попасть только через руки наших государственных хлебозаготовителей.

Безусловно, подавляющее влияние на хлебном рынке, должно остаться за государственными и кооперативными хлебозаготовительными организациями. Частный капитал привлекается лишь в той мере, в какой наши хлебозаготовители не могут справиться. Исходя из этого, план хлебозаготовок может быть разверстан между основными хлебозаготовителями так:

Государственные и кооперативн. органы (плановые хлебозаготовители)	750	миллион. пуд.
Местные органы	100	„ „
Частный капитал	100	„ „
Покупки населения непосредственно у крестьян на городском рынке	50	„ „
Итого	1	миллиард пуд.

Удельный вес частного капитала при этой программе хлебозаготовок будет составлять всего лишь 10% в общих хлебозаготовках. Но если бы эти 10% не были извлечены с рынка, то они давили бы на цены, которые неизбежно падали бы вниз.

Политика хлебных цен.

Уже третий год как государство приступило к широким плановым хлебозаготовкам, и каждый раз вопросы хлебных цен особенно в начале хлебозаготовительной кампании стоят остро.

Мы представляем собою страну, где хозяйство строится на товарно-денежной основе, где существуют рынок, цены, прибыль, т.-е. все категории капиталистического хозяйства.

Но эти категории, стихийные законы капиталистического хозяйства у нас видоизменяются, модифицируются сознательным вмешательством государства. При чем степень этого воздействия, степень сознательного вмешательства государства, определяется степенью его экономического могущества, экономической организованностью. Мы сейчас настолько экономически сильны, что можем говорить о политике цен, т.-е. о сознательном воздействии государства на цены в ту или иную сторону.

Это воздействие на рынок, на цены применяется в высокоразвитых капиталистических странах. Там закон горизонтальной конкуренции, конкуренции предприятий данной отрасли между собой, почти исчезает.

Могущественные синдикаты диктуют цены рынку. Но если в высоко-развитом капиталистическом обществе законы цен, рынка, конкуренции получают ограничение в пределах одной отрасли, то в пределах разных отраслей они целиком действуют и проявляются еще с большей силой. Государство не может экономически регулировать все производство капиталистического общества данной страны. Оно не может примирить интересы одной

капиталистической группы с другой. Такие попытки делались в эпоху империалистической войны, но как только война кончилась, они потерпели крах, ибо несовместимы с природой капиталистического общества. Роль государства там сводится к ограждению интересов класса капиталистов от посягательства на эти интересы рабочего класса или буржуазии другой страны. Поэтому в буржуазном государстве вопросы регулирования цен не стоят перед ним, как специальная задача. Стихийные законы рынка, цен, целиком направляют и по своему регулируют все народное хозяйство в любой капиталистической стране.

У нас государство находится в руках класса, поставившего себе задачу построить организованное хозяйство и общество, в котором не было бы частной собственности на средства производства, в котором производство регулировали бы и направляли бы не стихийные законы рынка, а сознательное организованное руководство человека. На путях построения организованного социалистического хозяйства государство использует методы рынка, цен постольку, поскольку рынок является единственным условием, при котором могут развиваться еще многочисленные мелкие товарные хозяйства, единственной формой связи которых является тот же рынок. Но государство само является могущественным фактором этого рынка, как наиболее крупный владелец средств производства и товаров. Вот почему оно может сознательно воздействовать на цены, на рынок в сторону, которая максимально способствовала бы развитию производительных сил, устраняла бы все противоречия и тормозы, которые неизбежно создают слепые законы рынка. Но эти границы сознательного воздействия государства мы не должны преувеличивать.

При всех ограничениях и модификациях, которые получают у нас законы рынка, они тем не менее в вопросах цен играют в конечном счете решающую роль. Не только потому, что у нас на ряду с государственным организованным сектором народного хозяйства, есть 25 миллионов отдельных мелких товаропроизводителей, единственным условием производства и формой связи которых является рынок. Но и потому, что мы не представляем собой изолированного острова, экономически несвязанного с мировым рынком. Состояние этого рынка оказывает на наши цены огромное влияние. Это влияние сказывается на хлебе больше, чем на других товарах потому, что наш хлеб в урожайные годы представляет товар, который преимущественно идет на международный рынок.

Если на мировом рынке цена хлеба 1 р. 50 к., то мы не можем эту же цену платить нашему крестьянину. По этой цене мы должны купленный у него хлеб продать, оплатить все расходы и плюс к этому получить определенную прибыль. Равно не можем мы платить по 50 к. за пуд, если этот хлеб будем продавать по 1 р. 50 к. В этом случае мы задерживали бы процесс накопления в крестьянском хозяйстве, а, следовательно, и дальнейший темп его развития, суживали бы емкость рынка и ко всему этому вызывали бы политическое недовольство. Крестьянин знал бы, что хлеб, который мы купили у него за 50 к., продали за границей за 1 р. 50 к.

Вот почему при построении политики хлебных цен нельзя абстрагироваться от состояния цен на мировом рынке, как это

делают некоторые товарищи [1]). Они мотивируют тем, что если цены на мировом рынке будут стоять высокие, и мы при построении нашей политики цен будем ориентироваться на мировые цены, то крестьянство много будет получать за хлеб. У него будут происходить большие накопления. Тогда оно пред'явит такой спрос на промышленные товары, которого внутренним производством мы не сможем удовлетворить. Но в этом как раз и никакой беды нет. Не сможем удовлетворить потребность крестьянства в промышленных товарах внутренним производством, ввезем то, чего не хватит, из-за границы. Но задерживать из-за этого развитие сельского хозяйства, и не только сельского хозяйства, но и всего народного хозяйства, как это было в 1923 г. при низких ценах, было бы чистейшей нелепицей.

Правда, при политике хлебных цен мы не должны забывать, что высокие цены выгодны только тому, у кого есть излишки, а ими, как это мы установили выше, обладают только 63% крестьянства, в то время как остальные 37% покупают хлеб, а если мы отбросим группу хозяйств, балансирующих без излишков или с ничтожными излишками (3%), группу, составляющую 20% крестьянского населения, то фактически обладателями излишков будут только 43% крестьянства. Вот почему высокие цены бьют по карману не только рабочего, но и половину крестьянства.

Практически, однако, перед нами в предстоящем году будет стоять вопрос не как удержать рост цен, а как задержать их падение.

Исследование влияния урожая на хлебные цены за последние 30 лет говорят о том, что в урожайные годы, следующие за малоурожайными, наблюдается сильное падение цен, особенно в первые осенние месяцы [2]).

Уже приходящие сейчас сведения со всех концов Союза говорят о необычайной пестроте цен с определенной понижательной тенденцией. В некоторых уездах цена на рожь падает до 40—50 коп. против 2 рублей зимней цены. А ведь сейчас только заканчивается уборка, и новый урожай на рынок еще не выброшен. Это опасные симптомы, и мы должны их предупредить.

Понижение цен в этом году неизбежно должно быть. Те цены, которые стояли в прошлом году на мировом и особенно на внутреннем рынке, удержаться не смогут, так как урожай этого года значительно лучше прошлогоднего. Однако, это понижение не должно дойти до пределов, за которыми крестьянину невыгодно будет продавать хлеб. До этого допустить мы не должны. Этого требуют интересы 63% крестьянства, а также и интересы самого пролетариата. Прошлый год при слабом урожае и при высоких ценах на хлеб мы наблюдали невиданный рост нашего народного хозяйства и в первую очередь промышленности. Население освоило эти цены. Они вошли в бюджет рабочего и служащего, и особенно сильного понижения их допускать мы не должны. Вопрос цен—это вопрос темпа накопления и, наконец, развития как сельского хозяйства, так и промышлен-

---

[1]) См. статью Пестрякова. „Правда" от 1/VIII с. г.

[2]) Смотри по этому вопросу работу Гухмана „Влияние урожая на хлебные цены" в журн. „Плановое Хоз-во", № 6 за 1925 г.

ности, это вопрос правильного взаимоотношения крестьянства с рабочим классом. Надо установить такие цены, которые максимально способствовали бы быстрейшему темпу роста обоих тесно связанных между собой отраслей народного хозяйства и наилучшему отношению двух не менее связанных между собой классов—рабочего и крестьянина.

Вся мудрость экономического руководства хоз. политикой в 1925/26 году и будет заключаться в том, чтобы это правильное соотношение цен соблюсти. За тот хлеб, который мы будем вывозить за границу, продавать в наших городах, крестьянин должен получить возможно большую долю. Баланс народного хозяйства за 1923/24 г. показывает, что из той цены, которую платил городской потребитель за хлеб, крестьянин получал только 60%, а остальные 40% падали на транспорт, торговые и прочие расходы. Это большой процент. Вот почему получается, что в то время, как мы закупаем у крестьянина хлеб по почти довоенной цене, рабочий за него платит вдвое дороже против того, что платил до войны. Это уменьшение накладных расходов тем более необходимо, что цены на мировом рынке упадут по сравнению с прошлым годом, и для того, чтобы нам конкурировать, надо будет дешевле продавать, а это удешевление в первую голову надо провести за счет накладных расходов. Это вполне возможно, так как размеры наших хлебозаготовительных операций максимально нагружают наш аппарат и тем самым дают возможность уменьшить его накладные расходы.

В первые месяцы, когда цены сильно падают, на рынок везет продавать из-за нужды свой хлеб бедняк, который зимой или весной вынужден будет покупать этот же хлеб, но только по более дорогой цене. Наша задача дать возможность ему удержать этот хлеб у себя. Для этого политика взыскания налога должна быть построена так, чтобы осенью с бедняка ничего не брать и тем самым уменьшить его и без того большую потребность в деньгах. Помимо этого, надо широко развить хлебозалоговые операции, для чего правительство ассигновало около 20 милл. рублей. Сельско-хозяйственная кооперация должна наблюдать, чтобы деньги под залог хлеба выдавались действительно только тому крестьянину, который продает свой хлеб из-за нужды.

Однако, удержать хлебные цены от падения без форсирования нашего экспорта мы не можем. Предварительный хлебофуражный баланс урожая 25—26 г. показывает, что из одного миллиарда пудов излишков, на потребление городов, корм городского скота и другие расходы пойдет не больше 450 милл. пудов, а 550 миллионов, да плюс около 100 милл. остатков у хлебозаготовителей от прошлого урожая—всего 650 милл. пуд. не найдут рынка сбыта внутри страны. Если переходящие остатки хлебозаготовителей увеличатся к будущему году до 200 милл. пудов, то и то нам надо не менее 450 милл. п. экспортировать.

Экспорт в таком размере потребует от нас огромного напряжения. Железные дороги должны перевезти этот хлеб в места ссыпки, там его надо считать, придать ему определенную кондицию. Все это мы должны сделать в первые осенние месяцы, с тем, чтобы выступить на мировом рынке раньше, чем может быть подвезен урожай Канады.

Мировой урожай и возможность реализации нашего экспорта.

После хорошего урожая 1923 г. прошлый год 1924 дал почти повсеместно значительный недобор по всем хлебам и в частности по пшенице. Особенно сильный недобор был в Канаде, которая собрала на 46% меньше, чем в 1923 г. В общем по всем странам мира урожай 1924 года был меньше урожая 1923 г. на 10—12%. В то время, как сбор уменьшился, потребление хлеба все увеличивалось, благодаря улучшению экономического положения целого ряда потребляющих стран. Еще летом прошлого 1924 года Сев.-Амер. Соед. Штаты, которые имели в противовес другим странам хороший урожай (сбор пшеницы на 14% выше 1923 г.), это обстоятельство учли. Департамент Земледелия, учитывая создавшуюся кон'юнктуру, значительно преуменьшил сведения о размерах предполагаемого урожая. Так, разница между оценкой на 1 июля и фактическим сбором выразилась по всем хлебам в 512 милл. бушелей (около 800 милл. пуд.). Все это сильно взвинтило цены. Так, с апреля по август 1924 г., цены на пшеницу возросли в два раза и на рожь в три раза. Сев.-Амер. Соед. Штаты были полными хозяевами хлебного рынка и держали неслыханно высокие цены до марта—апреля мес., т.-е. до появления хлеба южного полушария, а на рожь—до настоящего времени. Только в июле, в связи с видами на урожай, цены начинают несколько падать.

Каковы же перспективы урожая в главнейших странах в этом году? В настоящий момент более или менее точно учесть состояние урожая необычайно трудно. Во-первых, потому, что сбор хлебов в главнейших производящих странах производится несколько позже, чем у нас, а во-вторых, потому, что опыт предварительной оценки урожая прошлого года заставляет отнестись к ней с величайшей осторожностью.

Однако, предварительные суммарные сведения по странам Северного полушария уже есть. В Южном полушарии сейчас только заканчивается посев, и урожай будет выявлен только к январю, февралю месяцам.

Главнейшими странами-конкурентами нашего хлеба являются Соед. Штаты Америки и Канада; поэтому состояние урожая этих стран нас особенно должно интересовать.

Сравним предварительные данные Департамента Земледелия С.-А. С. Ш. об урожае настоящего года по оценке на 1 июля с окончательным сбором за 1924 и 23 г.г.

	Предполож. оценка на 1/VII 25 г.	Окончательный сбор.	
		В 1924 г.	В 1923 г.
	(В миллионах пудов).		
Пшеница . . .	1.122	1.439	1.293
Ячмень	275	247	261
Овес	1.137	1.356	1.141
Рожь	83	97	97
Итого . . .	2.617	3.139	2.792

Итак, по предварительной оценке урожай главных хлебов в Сев.-Амер. Соед.. Штатах ожидается—2.617 милл. пудов против 3.139 милл. п. прошлого года, т.-е. на 522 милл. меньше. Это уменьшение особенно сильно сказывается на сборе пшеницы, недобор которой по сравнению с прошлым годом выражается в 317 миллионов пудов.

Оценка урожая в Канаде на то же число дает следующие данные по сравнению с 1924 годом:

	Оценка урожая 1925 г.	Окончательн. результат урожая 1924 г.
	(В миллионах пудов).	
Пшеница . . .	602	432
Овес	413	362
Ячмень	114	115
Рожь	20	22
Итого . . .	1.149	931

Урожай Канады в этом году, наоборот, предвидится значительно лучший, чем в прошлом. Одна пшеница дает превышение сбора на 170 милл. пудов. Таким образом, уменьшившиеся экспортные возможности Сев.-Амер. Соед. Штатов частично могут быть пополнены за счет хорошего урожая Канады.

Урожай другой крупно-производящей страны—Индии—предвидится несколько хуже прошлогоднего, и недобор по одной пшенице выразится больше, чем в 100 милл. пудов. По всей Европе предвидится хороший урожай. Германия ожидает в этом году собрать больше, чем собрала в 1913 году, который считался рекордным за весь довоенный период. По некоторым сведениям, весь спрос ржи в стране будет удовлетворен внутренним производством. Та же картина хорошего урожая ожидается и в других странах Европы, где превышение сбора предвидится на 20—40% выше прошлогоднего.

Рискованно к настоящему моменту давать цифровое выражение мирового урожая. Однако, по главнейшим культурам, особенно важным для нашего экспорта, результаты уже можно приблизительно определить. Сбор пшеницы по всему Северному полушарию, без СССР, будет примерно на 120 миллионов пуд. больше, чем в 1924 г. Это увеличение приходится главным образом на долю Европы и Канады, при сильном уменьшении сбора Сев.-Амер. Соед. Штатов и отчасти Индии. Однако, несмотря на общее увеличение сбора, мировые запасы пшеницы в этом году будут значительно меньше, чем в прошлом году. Дело в том, что прошлый год были значительные переходящие остатки от урожая 1923 г., выразившиеся в общей сумме не меньше 200 милл. пудов. В то время, как в этом году мы имеем запасов не больше 15 милл. пудов. В результате общие запасы пшеницы в этом году будут меньше на 65—75 милл. пуд.,

чем в прошлом году. За последние годы происходило непрерывное расширение потребления пшеницы, которое еще недостигло довоенной нормы. В этом году мы должны ожидать также значительного расширения потребления, что расширит емкость мирового рынка еще на 150—200 милл. пуд. По этим подсчетам мы свободно можем разместить 250—300 милл. п. пшеницы на европейском рынке.

Несколько хуже обстоит дело с рожью. Сборы ее в этом году увеличились против прошлого года на 250—300 милл. пуд., правда, при почти полном отсутствии остатков от прошлого года. Только при значительном расширении потребления мы можем рассчитывать на крупный экспорт ржи, а это расширение неизбежно должно происходить, так как в прошлом году, благодаря отсутствию на мировом рынке экспорта СССР, рожь была в минимальном количестве. Гораздо лучше положение с ячменем, сбор которого почти не превышает прошлогодний, и рынок для которого полностью обеспечен.

В первый раз мы выходили на мировой рынок со своим хлебом в 1923/24 году, когда обеспечение мирового рынка хлебом после хорошего урожая 1923 года было значительно больше, нежели в этом году. Мы еще были неопытны, делали первые шаги и, тем не менее, наш хлеб на мировом рынке без большого труда вытеснял заокеанский хлеб. В этом году состояние мирового хлебного рынка складывается для нас значительно благоприятнее. Оно может еще измениться в худшую сторону, так как, повторяем, официальные данные Сев.-Амер. Соед. Штатов об их урожае, очень возможно, что преуменьшены. Так или иначе, те цены, которые стояли в прошлом году, не могут удержаться и пойдут на значительное понижение. Но по всем данным они будут выше цен 1923 года. Это заставляет нас максимально сократить накладные расходы, которые еще непомерно велики, с тем, чтобы удешевление хлеба, который пойдет на мировой рынок, происходило не за счет кармана крестьянина. Нам надо значительно повысить кондиции нашего зерна, которое может и должно быть не хуже, а лучше заграничного. Только при удешевлении цен и повышении качества нашего товара, мы сможем свободно разместить наши экспортные ресурсы на мировом рынке. И это мы должны сделать в первые осенние месяцы, пока на мировой рынок не выступила со своим хлебом Канада.

Увеличение количества экспорта увеличивает нагрузку хлебозаготовительного аппарата, а тем самым сокращает его накладные расходы. Это дает уверенность, что с этим теперь для нас наиболее важным препятствием в экспорте мы справимся.

Г. Сафаров.

Ленинизм как теория развития пролетарской революции.

(*Ответ тов. Марецкому*).

1. О чем спор.

В № 11—12 «Большевика» помещена рецензия тов. Марецкого о моей брошюре «Ленинизм как теория развития пролетарской революции» Главный грех брошюры, представляющей собою доклад в Толмачевском Институте, тов. Марецкий видит в «недиалектичности» выдвинутых там положений. Это обвинение заслуживает внимания.

Ленинизм есть новейший этап марксизма, новая ступень его развития в связи с развитием классовой борьбы. Поэтому, совершенно естественно, если мы попытались подойти к вопросу о том, что внес ленинизм нового в теорию и практику марксизма, с тем мерилом, с которым сам тов. Ленин подходил к марксизму вообще.—«Вся теория Маркса есть применение теории развития в ее наиболее последовательной, полной, продуманной и богатой содержанием форме—к современному капитализму. Естественно, что для Маркса встал вопрос о применении этой теории и к предстоящему краху капитализма и к будущему развитию будущего коммунизма. На основании каких же данных можно ставить вопрос о будущем развитии будущего коммунизма? На основании того, что он происходит из капитализма, исторически развивается из капитализма, является результатом действия такой общественной силы, которая рождена капитализмом. У Маркса нет ни тени попыток сочинять утопии, по пустому гадать насчет того, чего нельзя знать. Маркс ставит вопрос о коммунизме, как естествоиспытатель поставил бы вопрос о развитии новой, скажем, биологической разновидности, раз мы знаем, что она так-то возникла и в таком-то определенном направлении видоизменяется» (Том XIV, часть 2, стр. 365—366).

Развитие марксизма применительно к потребностям эпохи перехода от капитализма к коммунизму Владимир Ильич неизменно ставил в зависимость от опыта массовой борьбы классов. В этой борьбе, в процессе ее происходит исторический отбор соответствующих форм борьбы и организации революционных классов, вырабатываются высшие формы революционного развития, совершается переход от низших ступеней к высшим. Критерий массовой революционной практики для Ильича—высшее мерило и в области революционной теории. В «Детской болезни левизны» Ильич писал: «История вообще, и

история революций в частности, всегда богаче содержанием, разнообразнее, разностороннее, живее, «хитрее», чем воображают самые лучшие партии, самые сознательные авангарды наиболее передовых классов. Это и понятно, ибо самые лучшие авангарды выражают сознание, волю, страсть и фантазию десятков тысяч, а революцию осуществляют, в моменты особого напряжения всех человеческих способностей, сознание, воля, страсть и фантазия десятков миллионов, подхлестываемых самой острой борьбой классов» (Т. XVII, стр. 181).

Авангард прощупывает движение истории, об'ективный ход классовой борьбы, путем своей связи с массами, путем их организации, воспитания, путем руководства ими и в борьбе за это руководство. Узловой пункт пролетарской классовой борьбы, таким образом, составляет превращение «качества в количество» и «количества в качество»: усвоение массами, стихийно втягиваемыми в классовую борьбу, революционной тактики авангарда, стихийное осуществление ими революционных целей, с одной стороны, и расширение и углубление размаха классовой борьбы по мере расширения и углубления массовой базы движения,—с другой.

Не случайно Ильичевская брошюра «Что делать» почти буквально «сделала» историю нашей партии, и, вместе с тем, была и первым решающим приступом к подготовке революционной гегемонии пролетариата.

Ленинизм двинул вперед развитие марксизма потому, что, впервые в истории правильно увязав взаимоотношение масс и авангарда, он нашел конкретно-историческое очередное звено, за которое нужно было ухватиться, чтобы вытащить всю цепь пролетарской революции. Маркс дал общую теорию классовой борьбы пролетариата, вплоть до диктатуры пролетариата и перехода к коммунизму. Ленин дал конкретную теорию развития пролетарской революции. Эта конкретная теория развития могла возникнуть только тогда, когда материальные условия и исторический ход классовой борьбы уже подготовили основную предпосылку для последовательного завоевания пролетариатом революционной гегемонии,—форму организации революционного пролетарского авангарда. В эпоху Маркса и Энгельса пролетариат во всех революциях выступал лишь в качестве стихийно-революционной, но не сознательно-революционной силы. Поэтому он не мог добиться превращения демократических революций в Европе в начало пролетарского переворота, не мог вести за собой полупролетарские и мелкобуржуазные слои трудящихся, не мог прочно построить своей революционной диктатуры (Коммуна).

Превращение низших форм классовой борьбы в высшие, вплоть до диктатуры пролетариата, этот процесс развития пролетарской революции, есть следствие увязки основного взаимоотношения между авангардом и массами.

Мы очень польщены одобрительным заявлением тов. Марецкого, что «вопрос о соотношении авангарда и масс в классовой борьбе» поставлен нами «интересно». Очень жаль только, что тов. Марецкий не проявил достаточного «интереса» в том отношении, чтобы увидеть, что этот вопрос есть именно тот «определенный признак», по которому «подбирается» вся «цепочка» революционных переходов от низших к высшим ступеням классовой борьбы.

Процесс развития пролетарской революции есть, вместе с тем, процесс развития революционной гегемонии пролетарского авангарда. Пролетарская диктатура и процесс «обучения социализму» пролетариатом всех слоев трудящихся при диктатуре (см. рукопись Ильича «О диктатуре пролетариата» в III Ленинском Сборнике) есть решающий шаг на пути завоевания этой гегемонии, этого революционного руководства всей массой трудящихся.

2. Различие между высшими и низшими формами классовой борьбы.

Тов. Марецкий приводит конкретные примеры «недиалектичности» моей «схемы». Вторым этапом у меня указывается «превращение низших форм движения в высшие формы движения, оборонительной борьбы в революционно-наступательное движение».

— «Всегда ли оборонительная борьба есть низшая форма движения, и наоборот? Вспомним эпоху Бреста. «Левые коммунисты», как известно, предлагали тогда «революционно-наступательное движение», ленинцы отстаивали «оборонительную борьбу». Не может быть никаких сомнений, кто представлял «высшие формы движения». Возьмем теперь поворот к нэпу. Несомненно, что введение новой экономической политики, по сравнению с сэповским периодом, было в известном смысле отступлением, т.-е. употребляя терминологию тов. Сафарова, переходом к оборонительной борьбе. Кто же в этот момент воплощал высшую форму движения: «оборонцы» или сторонники наступления? Ответ ясен».

Прежде всего, приходится признать, что победоносный вид моего рецензента, запечатленный в этом отрывке, явно говорит в пользу того, что наступательные формы борьбы не представляют «более высокую» ступень.

Однако, не будем смущаться этим видом и разберемся по существу.—Каюсь, что вместе с т. Бухариным в свое время состоял в «левых коммунистах». Тем не менее эта справка от метрического свидетельства не может служить основанием, чтобы заподозрить меня в пропаганде зловредных взглядов в лето от завоевания пролетарской диктатуры 8-е.

В самом деле, вся «соль» различия между высшими и низшими формами классовой борьбы заключается отнюдь не в повторении, что высшее есть высшее, а низшее есть низшее. Это только архивный П. Аксельрод всегда говорил: «Repetitio est mater studiorum». Надо полагать, не подлежит спору, что октябрьская всеобщая стачка 1905 года или декабрьское восстание в Москве были более высокими формами классовой борьбы, чем наше участие в 3-й и 4-й Думах. Об этом можно узнать в собрании сочинений Ильича в соответствующих томах. Даже более того. Чтобы не утруждать почтенного рецензента, обращаю его внимание на приведенную в моей брошюре цитату из Ильича: «Марксист не зарекается от подзаконной борьбы, от мирного парламентаризма, от планомерного подчинения рамкам исторической работы, определенным Бисмарками и Беннигсенами, Столыпиными и Милюковыми. Но марксист, используя всякую, даже реакционную почву для борьбы за революцию, не опускается до апофеоза реакции, не забывает о борьбе за наилучшую возможную почву деятельности». Поле сражения в войне между классами в каждый данный исторический момент вовсе не похож на честный советский универмаг, где чего хочешь, того просишь. Выбор между формами классовой борьбы определяется реальным соотношением классовых сил. Несомненно, мы предпочли бы как «высшую» форму классовой борьбы, если бы, скажем, английские рабочие хорошими подзатыльниками, а не петициями начали бы «убеждать» Чемберленов. Но и «подзатыльники» требуют подготовки, и даже особенно требуют! Классовая борьба развивается не прямолинейно, а зигзагообразно. Тактику прямого ниспровержения врага приходится временно сменять или комбинировать с тактикой идейной и организационной подготовки масс к новой борьбе.

Во время Бреста нас, тогдашних «левых», Владимир Ильич как раз и обвинял за то, что за триумфальным шествием и победой пролетарской диктатуры внутри страны мы забыли о трудностях борьбы с международной властью империализма. Это грозило отрывом от масс. И тут опять мы приходим к узловому вопросу о взаимоотношении авангарда и масс: авангард вынужден отказываться от прямой аттаки, если массы не поспевают за ним, если им нужен дополнительный опыт. Что же тов. Марецкий думает, что наступление на Варшаву в 1920 году не было попыткой революционного натиска на Версальский мир?

А как же дело обстоит с нэпом? «Мы рассчитывали, поднятые волной энтузиазма, разбудившие народный энтузиазм сначала общеполитический, потом военный, мы рассчитывали осуществить непосредственно на этом энтузиазме столь же великие (как и общеполитические, так и военные) экономические задачи... Потребовался ряд переходных ступеней» («К четырехлетней годовщине»).

Но можно ли обозначать переход от оборонительных форм классовой борьбы и организации к революционно-наступательным как исторический этап?

Вряд-ли после краха довоенного Второго Интернационала это может вызывать сомнения. II Интернационал погиб именно из-за этой ограниченности, и т. Ленин в «Детской болезни левизны» это особо подчеркивал. Переход к непосредственной революционной борьбе и к ее непосредственной подготовке есть главный признак начавшейся эпохи пролетарской революции.

3. «Благоприятные обстоятельства».

Но есть у меня еще одно «преступление»!—Третьей ступенью революционного развития является, на мой взгляд, «превращение революционного движения полу-пролетарских и крестьянских слоев, а также национальных и колониальных движений в международную революционную борьбу против диктатуры империализма под руководством пролетариата, т.-е. превращение промежуточных форм движения промежуточных слоев (крестьянского, национального, колониального) в движение пролетарское, в конечном счете,—в единый процесс международной социалистической «революции».

Тов. Марецкий на это отвечает: «здесь явное смешение понятий. Вот что говорит о характере национального движения в эпоху империализма тов. Сталин. «Несомненная революционность громадного большинства национальных движений столь же

относительна и своеобразна, сколь относительна и своеобразна реакционность некоторых национальных движений. Революционный характер национального движения в обстановке империалистического гнета вовсе не предполагает обязательного наличия пролетарских элементов в движении, наличия революционной или республиканской программы движения, наличия демократической основы движения» (И. Сталин. «О Ленине и ленинизме». ГИЗ, 1925, изд. второе, стр. 63). Национально-революционное движение в Индии занимает определенное место на весах (??) международной социалистической революции. Еще больший удельный (?) вес имеет движение китайского народа, восстающего против мирового империализма. Будучи революционными и «подпирая» мировую пролетарскую борьбу против капитала, оба эти движения сами по себе не являются пролетарскими. Конечно (!), при определенных условиях, при особом, благоприятном стечении обстоятельств революционно-демократическое движение может перерасти в социалистическое».

Так как тов. Марецкий «от греха подальше» загородился ссылкой на тов. Сталина, то надо, в первую очередь, разобрать что же говорит тов. Сталин. Не больше и не меньше того, что возможны и неизбежны революционные движения народов, еще не порвавших с патриархально-феодальными отношениями, условиями, идеологией; что для таких движений вовсе не обязательно существование хотя бы зародышей рабочего движения в среде этих народов; что революционность их определяется не в зависимости от их, так сказать, суб'ективной ограниченности (муллы, феодальные остатки и т. п.), но в силу об'ективного направления их борьбы—против империализма, ставшего преградой развития производительных сил человечества, источником их разрушения и гниения.

Против этого спорить абсолютно нельзя. Сохраняя большой налет прошлого, национальные движения неизбежно подвержены реакционным колебаниям.

Но ведь речь идет не об этом. Речь идет не о выдаче мандата на социалистическую зрелость от Коминтерна, скажем, риффским арабам!

Речь идет вот о чем: «Социалистическая революция в Европе не может быть ни чем иным, как взрывом массовой борьбы всех и всяческих угнетенных и недовольных. Части мелкой буржуазии и отсталых рабочих неизбежно будут участвовать в ней—без такого участия невозможна массовая борьба, невозможна никакая революция—и столь же неизбежно будут вносить в движение свои предрассудки, свои реакционные фантазии, свои слабости и ошибки. Но об'ективно они будут нападать на капитал, и сознательный авангард революции, передовой пролетариат, выражая эту об'ективную истину разношерстной и разноголосой, пестрой и внешне-раздробленной массовой борьбы, сможет об'единить и направить ее, завоевать власть, захватить банки, экспроприировать ненавистные всем (хотя по разным причинам) тресты и осуществить другие диктаторские меры, дающие в сумме ниспровержение буржуазии и победу социализма, которая далеко не сразу «очистится» от мелкобуржуазных шлаков» (Том XIII, стр. 431).

Империализм обобщает, обостряет и углубляет все частичные противоречия капитализма. Он вызывает загнивание всего буржуазного строя, во всем мировом хозяйстве, загнивание великодержавного буржуазного господства во всех сферах влияния. Отсюда вытекает неизбежность превращения замкнутого в местных рамках революционного движения в ветвь мирового процесса социальной революции против мирового капитала, втягивания таких движений в общее революционное движение, отмечая условную революционность движений всех мелкобуржуазных слоев трудящихся. Только условия мирового кризиса капитализма ломают их мелкобуржуазную ограниченность и вливают их—через ряд переходных этапов—в движение, идущее под международным руководством рабочего класса, а это руководство служит гарантией их конечного превращения в движения социалистические, поскольку, в конечном счете, неизбежен их переход от сотрудничества с пролетариатом к слиянию с ним. Узбеки Хорезма, напр., ушли не очень далеко от «Китайских» социальных условий, и однако, «каким-то образом» произошло их вхождение в СССР?

Борьба 436 миллионов китайского народа при первом же серьезном натиске на империализм выдвинула гегемоном национально-революционной борьбы китайских рабочих, хотя их всего-на-всего около пары миллионов.

Тов. Марецкий божится диалектикой, а сам не в состоянии взять отдельные национально-колониальные и крестьянские движения в связи с мировой пролетарской революцией, не хочет взять эти внешне-раздробленные движения в перспективе их революционного развития.

Он милостиво «роняет»: конечно, «благоприятные обстоятельства» могут вызвать перерастание революционно-демократического движения в социалистическое.

Но разве вся тактика большевизма до Октября не была борьбой за создание, подготовку таких «благоприятных обстоятельств», которые бы проложили путь от крестьянской революции к революции пролетарской?

А о чем же мы спорим с троцкизмом?

4. Диалектика или „die erste Kolonne marschiert, die zweite Kolonne marschiert".

Наконец, «моя» «схема» грешит тем, что устанавливая этапы революционного развития, она переворачивает вверх ногами действительность. Что было раньше—«превращение национальных и колониальных движений в международную революционную борьбу» или же завоевание диктатуры пролетариата?

Общеизвестно, что до известной степени распад старой буржуазно-помещичьей России из-за национальных столкновений (Украина, Финляндия) облегчил и расчистил путь нашему Октябрю. Без правильной политики в национальном вопросе, без беспощадной борьбы против русского великодержавного гнета, без завоевания соответствующего доверия угнетенных еще до захвата власти, мы бы не смогли построить советское союзное «государство национальностей». В мировом масштабе сейчас на наших

глазах, еще до захвата власти пролетариатом передовых стран, колониальные движения все больше и больше становятся крупнейшим фактором международной социальной революции.

Но дело не в том. В силу зигзагообразного пути общественного развития, вследствие того, что это развитие—«развитие в противоречиях», различные этапы революционной борьбы перекрещиваются, переплетаются. Однако, это же наблюдается при всяком применении теории развития в природе и обществе вообще. Это необходимо связано с самой сущностью материального развития вообще, с присущей ему неравномерностью, перерывом постепенности, скачками и т. д.

Победа пролетариата в одной стране—отнюдь не Америка, открытая тов. Марецким. Мне самому специально приходилось еще в 1-м издании своих «Основ» разбирать этот вопрос. Если ему неясно как совместить восходящую линию следующих один за другим этапов революционного развития с неравномерным «вызреванием» этих различных этапов, пусть заглянет в Ильичевский ответ Суханову, в его «Странички из дневника».

Является ли кооперация частью советского государственного капитализма или нет, это совершенно особая тема в данной брошюре, лишь задетая мимоходом. Мой же ответ на коротенькую, но в высшей степени «назидательную» рецензию и так слишком затянулся.

Надеюсь, что редакция, поместившая рецензию, по существу извращающую выдвинутую мною постановку вопроса, не откажется напечатать и этот ответ.

Г. Марецкий.

О „ступенчатом ленинизме“ и о двукратном „полете“ со „ступенек“.

Отвечая т. Сафарову, я считаю необходимым высказать свое мнение по существу затрагиваемых вопросов. Я нашел некоторые положения т. Сафарова противоречащими диалектике. В ответ на это т. Сафаров возвращает мне этот упрек обратно: «Тов. Марецкий божится диалектикой, а сам не в состоянии взять отдельные национально-колониальные и крестьянские движения в связи с мировой пролетарской революцией, не хочет взять эти внешне-раздробленные движения в перспективе их революционного развития».

Таким образом, автор ответа проявляет склонность перенести свои грехи на меня. В своих критических замечаниях я счел нужным отметить три следующие момента: во-первых, я возражаю против утверждения т. Сафарова о том, что низшие формы движения совпадают с оборонительными методами борьбы пролетариата, а высшие формы с наступательными.

Это есть первый пункт критики.

Во-вторых, я указал на неправильность характеристики промежуточных форм движения промежуточных слоев (крестьянского, национального, колониального) как движения пролетарского.

В-третьих, т. Сафарову было указано на неправильность определения перечисляемых им моментов революционных превращений как ступеней и этапов. В своей контр-критике т. Сафаров уклонился от ответа по существу и тем самым обнаружил свое нежелание отказаться от неправильных положений, которые он выдвинул в брошюре.

Прежде всего вместо того, чтобы отказаться от совершенно недопустимого для марксиста-диалектика и практического политика отождествления высшей формы борьбы с наступательными методами борьбы, а низших форм с оборонительными, т. Сафаров, как это может увидеть читатель, сводит дело к нескольким частным примерам, в которых наступательная борьба действительно является более высшей формой, чем оборонительная. Там же, где на конкретных примерах я доказываю неверность утверждений т. Сафарова, он отвечает нарочито с таким туманом,

чтобы не было понятно ни мне, ни читателям. Приводя, к примеру, дискуссию по поводу Брестского мира, я писал: «Левые коммунисты, как известно, предлагали тогда «революционно-наступательное движение», ленинцы отстаивали «оборонительную борьбу». Не может быть никаких сомнений, кто представлял «высшие формы движения». А тов. Сафаров на прямое отчетливое и резкое критическое положение удивительно впопад отвечает: «Во время Бреста нас, тогдашних «левых», Владимир Ильич как раз и обвинял за то, что за триумфальным шествием и победой пролетарской диктатуры внутри страны мы забыли о трудностях борьбы с международной властью империализма. Это грозило отрывом от масс... Авангард вынужден отказываться от прямой атаки, если массы не поспевают за ним, если им нужен дополнительный опыт».

Все это правильно и, так сказать, невредно, но, все же, являлась ли в Брестские дни тактика наступления высшей формой борьбы, а ленинская тактика отступления низшей формой борьбы? Эта тема т. Сафарову не нравится. Но зачем тогда нужно было браться за ответ?

Далее я отметил, что и переход к НЭП'у был в известном смысле отступлением и, однако, факт этого отступления ни в коей мере не является переходом от высшей формы борьбы к низшей. Находчивый т. Сафаров по этому поводу приводит следующую цитату из статьи Ленина: «Мы рассчитывали, подпятые волной энтузиазма, разбудившие народный энтузиазм сначала общеполитический, а потом военный, мы рассчитывали осуществить непосредственно на этом энтузиазме столь же великие (как и общеполитические, так и военные) экономические задачи... Потребовался ряд переходных ступеней».

Ильич действительно писал неплохо, но как у вас, т. Сафаров, обстоит дело с низшими формами движения? Наш вождь и гениальный стратег учил нас умению отступать, когда это требовалось, но отнюдь, например, не считал, что рабочая оппозиция, возражавшая против введения новой экономической политики, представляла высшую форму движения, а ЦК партии и вся партия в целом—низшую форму движения.

Для нас является совершенно бесспорным, что отождествление наступательных форм борьбы с высшими формами, а оборонительных с низшими, грешит против диалектики.

Это положение исключает анализ конкретного сочетания условий в определенный исторический момент; оно исключает понимание диалектического характера борьбы, в которой отступление умелое, своевременное, хорошо проведенное, является для пролетариата в известных условиях новым шагом вперед.

Политически же новая теория т. Сафарова является бессознательной попыткой оправдать тактику путчизма и льет воду на мельницу левых штурмистов, позиция которых давно уже превзойдена большевистской партией.

Далее. Третьей ступенью революционных превращений в процессе классовой борьбы т. Сафаров полагает «превращение революционного движения полупролетарских и крестьянских слоев, а также национальных и колониальных движений, в международную революционную борьбу против диктатуры империализма под руководством пролетариата, т.-е. превращение промежуточных

форм движения промежуточных слоев (крестьянского, национального, колониального) в движение пролетарское, в конечном счете—в единый процесс международной социалистической революции».

На это я указал, что здесь налицо явное смешение понятий, что несмотря на об'ективное включение колониальных движений в общий процесс социалистической революции, эти движения, тем не менее, не являются пролетарскими. Против упрощенной, неверной мысли Сафарова я выдвинул положение т. Сталина, строго отличающего суб'ективную сторону движения от ее об'ективного смысла.

Если взять этот вопрос в плоскости социальных характеристик, а именно так этот вопрос надо рассматривать, то без особой опасности погрешить против истины можно сказать, что здесь идет речь о соотношении пролетарского и крестьянского движения.

Что движение крестьянства против империализма, возглавляемое пролетариатом, является необычайно важным элементом в системе сил, борющихся против капитализма; что об'ективно революционное движение крестьянства вплетается в единый процесс социалистической революции,—это доказано теперь не только теоретически, но и самой практикой классовой борьбы.

Однако, только очень наивный политик и теоретик мог бы на этом основании заключить, что крестьянское движение превращается в движение пролетарское.

Апельсинной коркой, на которой поскользнулся т. Сафаров и здесь, является диалектика.

В том-то и заключается своеобразие положения, диалектический характер процесса классовой борьбы, что крестьянское мелкобуржуазное движение оказывается об'ективно на службе у движения пролетарского.

Т. Сафаров клянется, что он и не помышлял «о выдаче мандата на социалистическую зрелость от Коминтерна, скажем, рифским арабам».

Можно поверить, что суб'ективно, т. Сафаров подобного мандата марокканским повстанцам не дал бы. Но когда он пишет в своей схеме о превращении промежуточных форм движения, промежуточных слоев... в движение пролетарское, то отсюда вытекает именно то, что рифских арабов нельзя лишить «мандата на социалистическую зрелость».

Особенно возмущает т. Сафарова ссылка на пример с Китаем. «Борьба 436.000.000 китайского народа при первом же серьезном натиске на империализм выдвинула гегемоном национально-революционной борьбы китайских рабочих, хотя их всего-навсего около пары миллионов».

Прежде всего здесь слишком сильно сказано, что «борьба... выдвинула гегемоном китайских рабочих. Все, что мы знаем о Китае, дает нам право сказать, что борьба выдвигает гегемоном китайских рабочих. Но это, так сказать, замечание в скобках. Для нас сейчас важно другое. Нам важно отметить, что один факт гегемонии пролетариата в движении еще не дает основания для квалификации данного движения как пролетарского, социалистического. Следовательно, «китайское» возражение т. Сафарова остается холостым выстрелом.

Я отмечал одновременно, что «при определенных условиях, при особом благоприятном стечении обстоятельств революционно-демократическое движение может перерасти в социалистическое». Т. Сафаров усердно иронизирует над «благоприятными» обстоятельствами. Эта ирония, однако, очень мало понятна и очень мало трогает, ибо факты упрямая вещь. Благоприятные обстоятельства могут быть, могут и не быть.

Я позволю себе привести, так сказать, для «подкрепления» следующие слова тов. Зиновьева: «Эпоха социалистической революции не исключает, а предполагает широкие революционно-демократические движения, (наприм., крестьянства), при благоприятных условиях постепенно перерастающие из буржуазно-демократических движений в социалистические (Г. Зиновьев. «Эпоха войн и революций» —«Правда» от 28 июня 1925 г., № 145).

Я нашел, что «в формуле (т. Сафарова) не находит себе места неравномерность революционного развития. Она не об'ясняет того факта, что социализм уже строится в одной стране, когда в других странах еще только начинается превращение национальных и колониальных движений в международную революционную борьбу».

«Пройденная глава социалистической революции показала нам иное расположение этапов, чем указано в формуле. Сначала была завоевана пролетарская диктатура в России, а потом уже под ее влиянием началась борьба угнетенных империализмом народов против его диктатуры».

На это т. Сафаров отвечает следующим образом: «В мировом масштабе сейчас на наших глазах еще до захвата власти пролетариатом передовых стран, колониальные движения все больше и больше становятся крупнейшим фактором международной революции».

Но разве в об'яснение факта, что именно сейчас на наших глазах развертываются эти колониальные движения, т. Сафаров может отказаться от указания на пролетарскую диктатуру в России, как на первостепенный фактор этих движений?

По схеме т. Сафарова полагается сначала одно, потом другое, в действительности же дело происходит «совсем наоборот». Плоха же та схема, против которой кричит действительность.

Но схема—схемой, а у т. Сафарова в запасе имеется еще кое-что. «Победа пролетариата в одной стране—отнюдь не Америка, открытая т. Марецким. Мне самому специально приходилось еще в первом издании своих «Основ» разбирать этот вопрос».

Позволим себе заметить, что даже не изучавшим ленинизм по «Основам» т. Сафарова известно, что в первый раз еще в 1915 г. т. Ленин сформулировал теоретически возможность победы пролетариата в одной стране, а октябрьская революция превратила эту возможность в факт. То, что т. Сафаров берет у Ленина, не встречает с нашей стороны возражений. В данном случае утверждение т. Ленина сложилось у него, благодаря мастерскому умению пользоваться диалектическим методом. Его формула предугадала ход событий, а формула т. Сафарова противоречит основным историческим фактам.

А все дело в такой мелочи, как диалектика.

Наконец, я возражал против того, что перечисленные т. Сафаровым моменты революционного развития можно назвать «этапами» и «ступенями». «То, что фигурирует у т. Сафарова в качестве этапов, правильнее было бы назвать типами революционных превращений. А действительная связь между этими типами существенно отличается от связи между ними в разбираемой схеме.

В разборе предыдущих положений т. Сафарова я уже подчеркнул недиалектичность его построения. Обозревая его схему в целом, я опять-таки обнаруживаю этот специфический формально-логический подход к вопросу. В действительности все эти процессы превращений протекают сплошь и рядом одновременно, являясь различными сторонами одного и того же процесса, а у т. Сафарова это—этапы и ступени (в то время, как «этапы предполагают смену одного этапа другим, чередование этапов, в определенной последовательности»).

В восьми-этапной схеме т. Сафарова революционное развитие от «превращения стихийности в сознательность» до «превращения классового общества в поголовно-организованный «бесклассовый трудовой коллектив» представлено в виде лестницы, революционный процесс представлен в виде ступенчатого процесса. Так и только так можно было понять восьмиступенное сооружение т. Сафарова. Вместо диалектики у т. Сафарова действительно получилось «die erste Kolonne marschiert...» вплоть до «die achte Kolonne marschiert».

Нужно ли еще заключать, что «ступенчатый» ленинизм т. Сафарова имеет очень мало общего с действительным ленинизмом?

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ.

Ревизия Ленинской теории культурной революции.

(По поводу статьи тов. Я. Яковлева в № 11—12 „Большевика“).

За последнее время организованная пролетарская литература подверглась нескольким нападениям «теоретического» характера. Если раньше т.т. А. Воронский, Н. Осинский и др. преимущественно нападали на нас с тактической, политико-литературной стороны, то теперь начались нападения со стороны общепринципиальной, теоретической. Статья тов. В. Румия в 3-й книге «Воинствующего материалиста», статья В. Полонского в 4-й книге «Печати и Революции», наконец, статья Я. Яковлева—«О диалектике культурного развития и Вардинском переложении А. Богданова»—в № 11—12 «Большевика»,—вот звенья этого нового похода.

Статья тов. Яковлева сопровождается припиской редакции «Большевика»: «Соглашаясь в основном со статьей т. Яковлева, редакция оговаривает свое несогласие с отдельными положениями автора». Эта приписка легко поддается уточнению: в статье Яковлева приемлемы, верны, плодотворны мысли, заключающиеся в приводимых цитатах из Ленина, и, на оборот, и верны, неприемлемы, вредны мысли, которыми сам Яковлев сопровождает эти цитаты.

Основываясь на известной резолюции, принятой по докладу Вардина январской Всесоюзной Конференцией пролетписателей, тов. Яковлев, вслед за известным ортодоксальным ленинцем т. Румием, обвиняет тов. Вардина, и вообще напостовцев, в богдановщине! Выступая в защиту пролетарской культуры, напостовцы мол, тем самым солидаризируются с Богдановым.

Разумеется, нельзя никому запретить рассчитывать на невежество читателей, но эти расчеты вряд ли могут оправдаться в применении к читателям «Большевика». Строя свою теорию «пролетарской культуры», А. Богданов совершил **три основных ошибки, делающих его теорию абсолютно неприемлемой для большевизма.** Первая ошибка—та, что Богданов считает, будто до создания развернутой пролетарской культуры немыслима пролетарская революция. Вторая ошибка—та, что Богданов не различает классовой пролетарской культуры и внеклассовой социалистической, что он ставит между этими двумя качественно-различными культурами знак равенства. В своей статье «Социализм в настоящем» (1910 г.) Богданов формулирует «выработку социалистической пролетарской культуры», как «созидание новых и новых элементов социализма в самом пролетариате, в его внутренних отношениях, в его обыденных жизненных условиях»[1]. Третья ошибка—та, что Богданов считает возможной выработку пролетарской культуры чисто-лабораторным путем, в стороне и отдельно от общей борьбы рабочего класса. Эти три ошибки, во-первых, делают богдановскую теорию совершенно утопичной и, во-вторых, придают ей антиреволюционный характер[1].

[1] См. А. Богданов, «О пролетарской культуре», изд. «Книга», 1925 года, стр. 96.

Свойственна ли хоть одна из этих богдановских ошибок напостовцам и, в частности, резолюции Вардина? Было бы очень любопытно, если бы Яковлев обосновал положительный ответ на этот вопрос. Разумеется, он сделать этого **не может.** Вместо этого он пускается в такие рассуждения: «Вардин делает первый шаг по тому же пути неверия в творческие силы захватившего власть рабочего класса, когда декларирует несовместимость господства пролетариата с господством непролетарской идеологии. Если путь захвата власти в области культуры не приведет достаточно быстро к торжеству пролетарской культуры, то тем самым наступит предрекаемая Вардиным несовместимость господства пролетариата с господством непролетарской культуры... Отсюда, очевидно, принципиальное единство точек зрения Богданова и Вардина» (стр. 10). Итак, «принципиальное единство точек зрения Богданова и Вардина» сказывается в том, что Вардин провозглашает «несовместимость господства пролетариата с господством непролетарской идеологии». Открытие потрясающее! Значит, тов. Яковлев полагает, что диктатура пролетариата в нашей стране, как определенная историческая эпоха, и, допустим, господство анти-дарвиновской реакции в нашем естествознании могут совершенно мирно ужиться друг с другом? Значит, тов. Яковлев убежден, что диктатура пролетариата вполне допускает полное господство хотя бы немецкой «имманентной философии» в наших высших учебных заведениях? Значит, т. Яковлев уверен, что господство в нашей науке буржуазной политической экономии может быть вполне совместимо с политическим господством пролетариата? Все это очень интересно, но, во всяком случае, эта яковлевская теория «совместимости» несовместима с резолюцией августовской партконференции 1922 года об идеологическом фронте и со всей линией партии, направленной на вытеснение всех непролетарских идеологий. Несовместимость господства пролетариата с господством непролетарской идеологии — не богдановский тезис, а большевистская аксиома. И эта аксиома в устах Вардина означает лишь, что господство пролетариата требует систематической работы по вытеснению непролетарских идеологий, то-есть аксиома эта порождена **непоколебимой уверенностью в творческих силах рабочего класса.**

Сам Яковлев чувствует, что связать резолюцию Вардина с Богдановым—невыполнимая задача. И наш пламенный Цицерон, обличающий напостовского Катилину, сознается: «Разница лишь в том, что в конечном счете у Богданова дело сводилось к очевидной меньшевистской схеме ожидания для социалистической революции тех времен, когда весь пролетариат будет грамотнее, культурнее, сознательнее, и прочее, и тому подобное. У Вардина же, конечно, этой меньшевистской основы нет, но есть зато налицо покри-

[1] Кстати, против упомянутой Яковлевым статьи Богданова «Законы социалистической совести» пока выступил **только** «богдановский» орган ВАПП'а «Октябрь» (см. статью И. Гроссман-Рощина в № 2—4 нашего журнала).

тическое, непродуманное восприятие богдановских идей» (Там же). Насколько основательны рассуждения о восприятии Вардиным богдановских идей, мы уже говорили и еще будем говорить. Замечательно другое. Вся суть богдановщины—в меньшевистском отсрочивании революции. У Вардина «конечно, этой меньшевистской основы нет». Неправда ли, «пустяки—разница»? Богданов, по существу—меньшевик, у Вардина этого нет и в помине, но это—мелочи, все равно налицо—«принципиальное единство точек зрения Богданова и Вардина».

Далее Яковлев выдвигает новый аргумент в пользу такого «принципиального единства»: «Богданов видел в пролеткультовском движении одну из основных форм рабочего движения, действительные достижения в области которого являются одним из важнейших условий победы пролетариата. Вардин исходит из той же богдановской схемы, из той же оценки пролетарской культуры, превращая победу пролетарской культуры в основное условие сохранения пролетарской власти («без своей самостоятельной классовой культуры... пролетариат не сохранит гегемонии над крестьянством». (Там же). Ну, конечно, полная параллель! Но, дорогой тов. Яковлев, неужели так трудно заметить, что Богданов видит все спасение революции—в *пролеткультах*—замкнутых лабораториях, противопоставлявших себя рабочему государству и общему строительству пролетариата, Вардин же настаивает на *усилении общего и разностороннего массового культурного строительства пролетариата*. Это, как-будто,—не совсем одно и то же!

Наконец, последнее доказательство «богдановских» взглядов Вардина: «Понимание тов. Вардиным того, что именно на полях художественной литературы происходит один из последних решительных боев за власть между пролетариатом и буржуазией. Здесь имеется полное совпадение взглядов резолюции Первой Всесоюзной Конференции пролетарских писателей со взглядами А. А. Богданова, неоднократно со всей решительностью отвергнутыми партией и Лениным» (стр. 9). Очень трогательно! Богданов говорит, что без лабораторного создания пролеткультуры и пролетарского искусства нельзя начинать революцию. Вардин говорит, что литература—область, в которой буржуазия дает арьергардные бои победившему пролетариату. Чем не совпадение? По существу же вопрос совершенно ясен: выбитая из основных политических позиций буржуазия пытается сражаться с диктатором пролетариатом в областях, где политическая основа борьбы более завуалирована. Именно об этом говорил XI парт'езд, констатируя в резолюции о пропаганде и печати «стремление буржуазии через посредство литературы и культработы повлиять на трудящиеся массы».

Таким образом, рассуждения о богдановщине Вардина—художественные фантазии. К этой же области относится и следующая пламенная тирада: «Нужно иметь величайшую степень бесцеремонности для того, чтобы пытаться именем Ленина прикрыть пролетвапповские рассуждения о захвате власти пролетариатом в области искусства, о самостоятельной классовой культуре, как основном условии сохранения гегемонии пролетариата... И не меньшую степень бесцеремонности надо иметь, чтобы об'являть политическим ликвидаторством всякое отрицательное отношение

к пролетарской культуре, вопреки тому, что наиболее отрицательно к ней относился Владимир Ильич» (стр. 11).

Итак, наиболее отрицательно к пролетарской культуре относился Владимир Ильич. Запомним это! Провозгласив со смелостью, достойной лучшего применения, этот сомнительный «тезис», Яковлев далее обвиняет Вардина ни более, ни менее, как в выдвигании собственной теории культурной революции, теории, отличной от Ленинской: «Партии нужно знать, о какой культурной революции идет речь: о ленинской ли культурной революции, где миллионы строят социалистическое общество, или о вардинском захвате власти пролетариатом в области искусства, где несколько захолустных литераторов кричат громче всех, а довольно много талантливых пролетариев портятся в парниковых условиях пролеткультов, Ваппов и Маппов» (стр. 15). О нескольких литераторах и миллионах мы еще поговорим. Выдвинув это обвинение, тов. Яковлев начинает учить нас ленинскому подходу к культурной революции: «Ленин к вопросу о пролетарской культуре подходил всегда, как диалектик. И поэтому культурную революцию в условиях диктатуры пролетариата он сводил прежде всего к тому, чтобы господствующий класс, т.-е. рабочий класс, овладел буржуазной культурой... Овладеть буржуазной культурой в условиях советской власти на деле—все, что нужно для победы социализма» (стр. 12). За этой «интерпретацией» Ленина следуют иллюстрации: «Каждый рабочий или крестьянин-рабфаковец, который овладеет достижениями буржуазной науки, в области инженерного, архитектурного или медицинского искусства, а после применит их для строительства социалистического, а не буржуазного общества, каждый рабочий или крестьянин, который изученную им грамоту или хотя бы начатки естествознания приложит к делу общественной и культурной работы, к делу сознательного участия в строительстве советского государства, есть подлиннейший элемент новой пролетарской культуры» (стр. 14). Иллюстрация сама по себе совершенно правильна, но зато этого никак нельзя сказать об основном изложении взглядов Ленина. Итак, «овладеть буржуазной культурой в условиях советской власти—все, что нужно для победы социализма». Интересно, что это, якобы Ленинское, утверждение совпадает с утверждением тов. Румия: «Овладевать всем здоровым культурным наследством прошлого, овладевать не отдельными группами и кружками, а овладевать всем классом—это и означает преодолеть эту культуру» [1]. Поздравляем т. Яковлева с подлинно-ленинским союзником!

Как же ставил сам Ленин вопрос об овладении старой культурой? Обратимся к исторической речи Ленина о задачах союза молодежи, произнесенной 4 октября 1920 года. Сам Яковлев заявляет, что «по существу можно было бы ограничиться противопоставлением этой речи всем ухищрениям как Богданова, так и его последователей и опошлителей вроде Вардина» (стр. 19). Таким образом, решающее значение этой речи признано и нашим уважаемым оппонентом.

Ленин действительно подчеркивает важность овладения наследством: «Без ясного понимания того, что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только

[1] См. «Воинствующий материалист», т. III, стр. 246.

переработкой ее можно строить пролетарскую культуру—без такого понимания нам этой задачи не разрешить. Пролетарская культура не является выскочившей неизвестно откуда, не является выдумкой людей, которые называют себя специалистами по пролетарской культуре. Это все сплошной вздор. Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества» [1]. Читатель, без сомнения, заметил, что Ленин говорит здесь не только об усвоении старой культуры, но и о переработке последней. Ту же мысль подчеркивает он и в следующем абзаце: «Все эти пути и дорожки подводили, подводят и продолжают подводить к пролетарской культуре так же, как политическая экономия, переработанная Марксом, показала нам то, к чему должно притти человеческое общество, указала переход к классовой борьбе, к началу пролетарской революции» [2]. Ленин иллюстрирует эту мысль о необходимости переработки старой культуры примером Карла Маркса: «Все то, что было создано человеческим обществом, он переработал критически, ни одного пункта не оставив без внимания. Все то, что человеческою мыслью было создано, он переработал, подверг критике, проверив на рабочем движении, и сделал те выводы, которых ограниченные буржуазными рамками или связанные буржуазными предрассудками люди сделать не могли» [3].

Мало того, не ограничившись этим, Ленин дал соответствующую оценку тем коммунистам, которые, подобно тов. Яковлеву, помнят о необходимости усвоения старой культуры, но забывают о необходимости ее переработки: «Нам не нужно зубрежки, но нам нужно развить и усовершенствовать память каждого обучающегося знанием основных фактов, ибо коммунизм превратится в пустоту, превратится в пустую вывеску, коммунист будет только простым хвастуном, если не будут переработаны в его сознании все полученные знания. Вы должны не только усвоить их, но усвоить так, чтобы отнестись к ним критически» [4].

Да и как мог Владимир Ильич провозглашать пошлости, будто овладеть буржуазной культурой, это и есть все, что нужно, будто овладеть ею, это и значит преодолеть ее! Ведь Ленин более, чем кто бы то ни был, знал классовый характер культуры, ведь еще осенью 1913 года в статье «Национальная культура» Ленин утверждал: «В каждой национальной культуре есть, хотя бы не развитые, элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую. Но в каждой нации есть также культура буржуазная (а в большинстве еще черносотенная и клерикальная),—притом не в виде только «элементов», а в виде господствующей культуры. Поэтому «национальная культура» вообще есть культура помещиков, попов, буржуазии» [5]. И дальше Владимир Ильич делает еще более категорический вывод: «Ставя лозунг

1) См. собр. сочинений, т. XVII, стр. 317.
2) См. Ленин «Революция и культура», стр. 103—104.
3) Собр. соч., т. XVII, стр. 317.
4) Там же, стр. 318.
5) Собр. соч., т. XIX, стр. 45.

интернациональной культуры, демократизма и всемирного рабочего движения, мы из каждой национальной культуры берем только ее демократические и ее социалистические элементы, берем их только и безусловно в противовес буржуазной культуре, буржуазному национализму каждой нации [1]. Как хорошо, что Яковлев не писал еще тогда о культуре, а то мир оказался бы свидетелем потрясающей картины, как Яковлев обвиняет Ленина в богдановщине!

Только учитывая учение Ленина о классовом характере культуры, можно понять его изумительно глубокие замечания, сделанные в речи на XI партс'езде 27 марта 1922 года: «Экономической силы в руках пролетарского государства России совершенно достаточно для того, чтобы обеспечить переход к коммунизму. Чего же ей не хватает? Ясное дело, чего не хватает. Не хватает культурности тому слою коммунистов, который управляет. Но если взять Москву—4.700 ответственных коммунистов и,—взять эту бюрократическую махину, груду,—кто кого ведет? Я очень сомневаюсь, чтобы можно было сказать, что коммунисты ведут эту груду. Если правду говорить, то не они ведут, а их ведут. Тут произошло нечто подобное тому, что нам в детстве рассказывали по истории. Нас учили: бывает, что один народ завоюет другой народ, и тогда тот народ, который завоевал, бывает завоевателем, а тот, который завоеван, бывает побежденным. Это очень просто и всем понятно. Но что бывает с культурой этих народов? Тут не так просто. Если народ, который завоевал, культурней народа побежденного, то он навязывает ему свою культуру, а если наоборот, то бывает так, что побежденный свою культуру навязывает завоевателю. Не вышло ли нечто подобное в столице РСФСР и не получилось ли тут так, что 4.700 коммунистов (почти целая дивизия и все самые лучшие) не оказались ли подчиненными чужой культуре?» [2]. Вот где действительно выявлена вся «диалектика культурного развития»! Пролетариат—у власти, но ему не хватает культуры. Культура—у буржуазии. И культурная отсталость, и не-критическое отношение к буржуазной культуре могут привести к тому, что побежденные навяжут свою культуру победителям. Чтобы этого не случилось, необходимо энергично усваивать старую культуру, но усваивать критически, перерабатывая ее, не давая ей оседлать себя. Вот этого-то и не понимают Яковлевы.

Все эти основные мысли Ленина о строительстве пролетарской культуры путем переработки буржуазной находят себе яркое применение в замечаниях Ленина: «О значении воинствующего материализма», написанных 12-го марта 1922 года. Ленин отмечает, что необходимо критически относиться даже к современному естествознанию: «Из крутой ломки, которую переживает современное естествознание, родятся сплошь да рядом реакционные философские школы и школки, направления и направленьица» [3]. Отсюда вывод, что и современное естествознание пролетариат может брать, только перерабатывая его, согласовывая со своей классовой культурой: «Без солидного философского обоснования никакие естественные науки, никакой материализм не может выдер-

1) Там же.
2) См. собр. соч., т. XVIII, ч. II, стр. 43.
3) «Рев. и Культ.», стр. 127.

жать борьбы против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного миросозерцания. Чтобы выдержать эту борьбу и провести ее до конца с полным успехом, естественник должен быть современным материалистом, сознательным сторонником того материализма, который представлен Марксом, т.-е. должен быть диалектическим материалистом» [1]). Мало этого, Ленин утверждает, что привлекать надо не представителей современного естествознания вообще, а именно воинствующих материалистов: «Наш безусловный долг привлекать к совместной работе всех сторонников последовательного и воинствующего материализма в борьбе с философской реакцией и с философскими предрассудками так называемого «образованного общества» [2]). Для Яковлева все эти важнейшие вопросы и задачи по-просту не существуют. Ведь по его мнению, овладеть буржуазной культурой—все, что нужно!

Ленинская постановка вопроса о культуре ясна: каждая культура носит классовый характер, в наше время все пути и дороги неизбежно ведут к пролетарской культуре, строить пролетарскую культуру можно только путем переработки старой культуры, незнание старой культуры и некритическое усвоение ее—одинаково губительны, одинаково ведут к подчинению чужой культуре.

Как же примирить с этими отчетливыми высказываниями великого учителя его неоднократные презрительные замечания об эмпиреях «пролетарской культуры» (заметим, что, делая эти презрительные замечания, Ленин всегда брал слова «пролетарская культура» в кавычки, тогда как в заявлениях положительного характера он совершенно серьезно употреблял эти термины без всяких кавычек). Дело в том, что в нашу эпоху успехи социалистического строительства непосредственно зависят от активного участия в нем *миллионных широчайших масс населения*, а для этого необходима высокая культурность последних. Между тем, страна у нас еще *безграмотна*. Поэтому никакие успехи в области более сложных идеологий не помогут нам, если мы не справимся с безграмотностью широчайших народных масс. И презрительные замечания по адресу мечтателей «пролетарской культуры» были направлены против увлекающихся и склонных к фантазерству товарищей, которые, из-за ослепительных перспектив развития пролетарской философии или пролетарского искусства, *забывали о насущных задачах элементарного просвещения масс*. Ленин вовсе не сводил проблемы культурной революции к ликвидации безграмотности, как это делает Яковлев. Грамотность — не пролетарская и не буржуазная культура, это — *предпосылка всякой культуры*. Ликвидация безграмотности есть только первый шаг культурной революции. Вот что говорил Ленин в речи на II с'езда политпросветов 17 октября 1922 года: «Пока у нас есть в стране такое явление, как безграмотность, о политическом просвещении слишком трудно говорить. Это не есть политическая задача, это есть условие, без которого о политике говорить нельзя». В той же речи Ленин утверждал: «Мало того: недостаточно безграмотность ликвидировать, но *нужно еще строить советское хозяйство*, а *при этом на одной грамотности далеко не уедешь*. *Нам нужно громадное повы-*

[1]) Там же, стр. 128.
[2]) Там же, стр. 123.

шение культуры» [1]). Так же ставит вопрос Ленин и в своей исторической статье «О кооперации»: «Для нас достаточно теперь этой культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной, но для нас эта культурная революция представляет неимоверные трудности и чисто культурного свойства (ибо мы безграмотны), и свойства материального (ибо для того, чтобы быть культурными, нужно известное развитие материальных средств производства, нужна известная материальная база)» [2]). Совершенно очевидно, что безграмотность фигурирует здесь лишь как серьезнейшее препятствие на путях культурной революции, а не как основной об'ект последней.

Неужели все это не знакомо вам, уважаемый товарищ Яковлев? Такое предположение невероятно. А если так, вы совершили нечто несравненно худшее. В то время, как Вардин и др. напостовцы неоднократно подчеркивали ленинскую мысль о необходимости усвоения старой культуры, вы *сознательно прячете вторую половину мысли Ленина о необходимости переработки этой культуры*, вы *замазываете ленинское учение о классовом характере культуры*, вы *целиком покрываете понятие культурной революции понятием ликвидации безграмотности*. Это—не что иное, как *ликвидаторская ревизия ленинской теории культурной революции*. И никакими софизмами вам этой ревизии не прикрыть!

Характерно, что, излагая свои беседы с Лениным по данному вопросу, Яковлев проговорился: «Основную ленинскую мысль о необходимости взять всю буржуазную культуру, взять ее себе для того, чтобы победить окончательно,—мне пришлось почти в тех же словах слышать несколько раз от Владимира Ильича в октябре 1922 г., когда мы беседовали по поводу статьи Плетнева и выступления тов. Бухарина» (стр. 13). Итак, Ленин говорил с Яковлевым о необходимости взять себе буржуазную культуру *для того, чтобы победить ее окончательно*. Почему же во всей статье Яковлева нет даже намека на вторую половину Ленинской формулы?

Однако, перейдем к другим обвинениям, выдвинутым Яковлевым против Вардина и вообще напостовцев. По Вардину, оказывается, «пролетарская культура... сводится к данной кучке зазудалых литераторов» (стр. 16). Позвольте, тов. Яковлев, как вообще культура, то-есть создание человеческих рук, может сводиться к кучке людей? Затем, где и когда напостовцы говорили такую нелепость, будто пролетарская *культура* сводится к пролетарским *писателям*. Все мы неоднократно указывали, что элементами пролетарской культуры являются и марксизм, и советское государство, и пролетарская литература и т. д. (см. хотя бы статью Г. Лелевича «Партийная политика в искусстве» в № 4 «На посту» за 1923 г.). Неужели нельзя обойтись без явных выдумок и столь же явных нелепостей? Уже этих замечаний достаточно, чтобы оценить по достоинству следующую «параллель», проведенную Яковлевым между взглядами Богданова и Вардина: «Чудесными методами единой организационной науки из школы на Капри и из Пролеткульта должна была родиться подлинная

[1]) См. собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 385.
[2]) Там же, стр. 382.

пролетарская культура. По Вардину же это рождение всеспасающей пролетарской культуры, вне которой несть спасения для рабочего класса, вне которой невозможно сохранение рабочей гегемонии над крестьянством, происходит в его собственном закуточке, именуемом на этот раз «Всесоюзной Ассоциацией Пролетарских Писателей» (Там же).

Мы переходим к одному из основных рассуждений Яковлева: о десятках и миллионах. Яковлев декретирует: «Когда десятки литераторов пишут стихи (тут есть плохие и хорошие литераторы, больше плохих, чем хороших, больше рассуждающих о стихах, чем умеющих написать действительно понятное массам революционное стихотворение), они остаются литераторами и только литераторами, и каждого мы оцениваем по заслугам, а не по происхождению и не потому—принадлежит ли он к вапповцам или к какой-либо другой литературной группировке. Когда же миллионы людей в условиях советской власти *берут* буржуазную культуру, то это и есть рождение действительно пролетарской культуры» (стр. 15). Мы не станем спорить с Яковлевым по вопросу о том, какие стихи пишут вапповцы, потому что мы просто не признаем компетентности Яковлева в деле оценки стихов. Важен тут только вопрос о десятках и миллионах.

Яковлев развивал, между прочим, те же идеи в своих известных статьях 1922 года. Тогда же на них откликнулся в «Известиях» тов. А. В. Луначарский, который правильно писал: «Нельзя просто говорить тут о том, что пролетарий еще неграмотен и вшив. Все же не весь пролетариат вшив и неграмотен, и если борьба со вшами и неграмотностью есть задача важная, то нельзя забывать, что без университета невозможна и школа. Это верно относительно целого государства, это верно относительно класса. Хорош гусь был бы тот, кто сказал бы: «Марксу нечего было писать «Капитал». Трудная книга, редко какой пролетарий ее прочтет, а занялся бы он одной сплошной популяризацией». Пролетариат России класс довольно-таки расслоенный в отношении культурной подготовки, и рядом с элементарной работой он может и должен делать работу более квалифицированную. Это тоже тов. Яковлев упускает из виду. Входящая сейчас в моду культурная нивеллировка, равнение по вши, так сказать, приседания до букваря—представляют собою нечто болезненное и заслуживающее строгого осуждения. Часто такие ультра-демократы, презрительно косясь на дуб, ограничиваются любовью к желудям и не видят нелестного сравнения. Меньше всего это относится к тов. Яковлеву, столь преисполненному уважения к светилам науки. Но нельзя же, в самом деле, о целом классе, имевшем своих Марксов, имеющем своих Лениных и, сохраняя все должное расстояние, хотя бы своих Плетневых, говорить исключительно как об ученике подготовительного класса и отрицать за ним право на выработку, по крайней мере, своих критериев в области науки, по крайней мере своих собственных зачатков в выражении ему одному, этому классу, присущих эмоций» [1]. Далее А. В. Луначарский отмечает: «Авангард пролетариата может и должен заниматься высшими вопросами культуры, и заслонять ему весь мир вошью не годится. Конечно, главная часть его уйдет в массовую работу и в экономическое строительство, но не надо препятствовать отдельным даровитым в специальной области мышления или художественного творчества пролетариям проявлять себя и группироваться для этого. Этот пролетарский авангард, знакомясь с накопленными раньше культурными ценностями, окружен ядами и опасностями и должен быть бдителен» [1].

[1] См. «Идеализм и материализм», 1923, стр. 117.

Яковлев, разумеется, заявит, что эти замечания Луначарского противоречат Ленинским взглядам, и сошлется на то, что он, Яковлев, писал свои статьи с одобрения Ленина. А. В. Луначарский *рассказал на многолюдном диспуте в Свердловском университете, в присутствии т.т. Варейкиса, Воронского, Полонского и др., что на другой день после появления его цитированной статьи Владимир Ильич специально позвонил ему и сказал, что он одобрил появление статей Яковлева для того, чтобы подчеркнуть важность элементарного просвещения, но что он, в то же время, вполне согласен с поправками, имеющимися в статье Луначарского.*

Одна из особенностей «диалектики культурного развития» в том и заключается, что тесно переплетаются процесс элементарного просвещения масс и процесс разработки сложнейших идеологий авангардом.

Переходим к следующему обвинению Яковлева: «Столь отличное от ленинского отношение Всесоюзной Конференции пролетарских писателей к вопросам пролетарской культуры определяется в значительной мере различными исходными оценками существующего положения. Оценка настоящего положения в области культуры Вапповской конференцией стоит не на почве действительности, а на почве фантастической выдумки, чудовищной переоценки имеющихся достижений. Резолюция эта признает бесспорный факт существования пролетарской культуры и литературы в современном обществе!» (стр. 16). Не-Ленинский подход Вардина, его «переоценка действительных достижений» заключается, таким образом, в том, что он констатирует факт существования пролетарской культуры и литературы в современном обществе! О премудрый «диалектик», мы потому и констатируем этот бесспорный факт, что отнюдь не считаем строительство пролетарской культуры монополией нашей организации. Пролетарская культура родилась в тот момент, когда Маркс и Энгельс впервые сформулировали основные принципы *диалектического материализма, этой подлинной пролетарской науки.* Если же такая характеристика марксизма вас смутит, то мы напомним вам слова Ленина в статье «Заметки публициста» (1910 г.): «Мы знаем теперь только одну пролетарскую науку—марксизм» [2]. Далее в той же статье Ленин писал: «М. Горький безусловно крупнейший представитель пролетарского искусства, который много для него сделал и еще больше может сделать» [3]. Каждому ясно, что говорить о том, что Горький много сделал для пролетарского искусства, можно, лишь признавая факт существования последнего. Что же, Ленин

[1] Там же, стр. 119.
[2] См. V том Хрестом. Истпарта, стр. 299.
[3] Там же, стр. 300.

тоже «чудовищно переоценивал имеющиеся достижения» и расходился сам с собой? Все дело в том, что Яковлев, как и Богданов, понимает строительство пролетарской культуры метафизически, как единовременное ее развертывание, ему совершенно чужда ленинская диалектическая постановка вопроса о длительном процессе строительства пролеткультуры.

Еще нелепее обвинение Яковлева в том, будто напостовцы совершают «подмену» гегемонии пролетариата «гегемонией пролетарской культуры» (стр. 18). Очаровательно! А мы-то бедные думали, будто Вардин говорил, что гегемония пролетариата неизбежно вызывает и гегемонию пролетарской культуры.

Стремясь обрушить на пролетарскую литературу возможно больше вымышленных обвинений и искаженных цитат, Яковлев изрекает: «Ленинский лозунг 1905 года, обращенный против тогдашних мудрящих литераторов, не желавших и не умевших провести партийной линии в литературе: «Долой литераторов сверхчеловеков! Литературное дело должно стать частью общепролетарского дела...»,—обращается теперь против новых пролетвапповских сверхчеловеков, в какие бы пролетарские одежды они себя ни одевали» (стр. 19). Нет, все-таки всему должна быть граница! В то время, как ваши союзники, товарищ Яковлев, из «воронского» лагеря распинались в защиту нейтралитета партии в художественной литературе, мы, напостовцы, первые поставили вопрос о необходимости определенной партийной политики в искусстве. Статья Г. Лелевича, напр., в № 1 «На Посту» за 1923 год так и называлась: «Нам нужна партийная линия». А теперь вы—нашим же добром да нам же челом. Недурно! Возмутительнее всего здесь ссылка на статью Ленина «Партийная организация и партийная литература». Эта блестящая статья была направлена как раз против тогдашних Воронских и Яковлевых, фыркавших на классовую пролетарскую литературу и кричавших против «заушательства» и «заезжательства» по отношению к художникам. Ленин провозглашал в этой статье: «Свобода буржуазного писателя, художника, актрисы есть лишь замаскированная (или лицемерно маскируемая) зависимость от денежного мешка, от подкупа, от содержания. И мы, социалисты, разоблачаем это лицемерие, срываем фальшивые вывески,—не для того, чтобы получить неклассовую литературу и искусство (это будет возможно лишь в социалистическом внеклассовом обществе), а для того, чтобы лицемерно-свободной, а на деле связанной с буржуазией, литературе противопоставить действительно свободную, открыто связанную с пролетариатом литературу» [1]). И эту статью, это подлинное евангелие напостовцев, Яковлев пытается обратить против напостовцев! Нельзя же считать своих читателей такими идиотами.

Наконец, последняя декламация Яковлева: «Селькор и рабкор—журналисты постольку, поскольку они борются за интересы трудящихся масс пером. Также и в ленинской идее культурной революции общее повышение культурности ни на одну минуту не отрывается от задачи повышения участия рабочих и крестьян в строительстве советов. С этой точки зрения движение рабкоров и селькоров и является лучшим выражением ленинской культурной революции. И уже, во всяком случае, это движение наиболее чуждо выдумкам «пролетвапповских алхимиков» (стр. 19). Не приходится спорить, что селькор и рабкор—журналисты постольку, поскольку они борются за интересы трудящихся масс пером. Но также бесспорно (и это признал ЦК РКП в своей резолюции о политике партии в области художественной литературы), что именно рабселькоровское движение в значительной степени является источником, резервуаром, из которого пролетарская художественная литература будет черпать все новые и новые силы. И так же бесспорно, что эти литературно художественные силы, растущие из среды рабселькоров, будут направляться в русло организованной пролетарской литературы, а не в русло пэпмановских или даже попутнических литературных течений,—это неизбежно, сколько бы ни гадали астрологи, вроде Яковлева.

Выступление Яковлева не заслуживало бы никакого внимания, если бы оно совершилось не на страницах столь авторитетного органа и не сопровождалось бесконечными ссылками на Ленина. Не приходится сомневаться, впрочем, что даже место опубликования статьи и эти бесчисленные ссылки не обманут партийного общественного мнения. Резолюция ЦК о политике партии в области художественной литературы прекрасно, по-ленински, ставит вопрос о культурной революции, и этот авторитетный голос, во всяком случае, покрывает истерические выкрики Румиев и Яковлевых.

Редакция «На Посту».

---

[1]) Собр. соч. т. VII, ч. I, стр. 25.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

И. Степанов. От революции к революции. Сборник статей 1905—1915 г.г. Составлен под редакцией и с примечаниями Г. Бешкина. Госиздат. 1925 г., стр. 318, тираж 10.000.

Эта книга будет одним из ценнейших пособий по истории большевизма. Период первой революции, эпоха реакции, предвоенная и военная полоса—нашли отражение в ряде статей, из которых некоторые до сих пор не утратили свою свежесть, а большинство с точки зрения исторической исключительно любопытно.

Особенно полное отражение получила в статьях настоящего сборника революция 1905—7 г.г.

Совершенно естественно, что вопрос о социальной физиономии российского самодержавного государства перед революцией встретил особое внимание тов. Степанова.

Очень широкими и яркими мазками набросана статья «Из истории феодального класса».

Сделав в этой статье совершенно естественное ударение на паразитарном характере дворянства, автор, впрочем, рассматривает вопрос о социальной «психике» дворянства—как-то изолированно; роль идеологического фактора выпячена здесь чрезмерно без достаточного обоснования ее общественным бытием помещика. Некоторое «кокетничание» с великим философом, свойственное впрочем в определенный период писательства и еще более крупным теоретикам марксизма,—характерно для этой статьи т. Степанова. «Старый строй утратил свою идею. Но никакой режим не может существовать без идеи» (стр. 25).

Переходя к определению идеи дворянства, тов. Степанов утверждает: «Наследственно-потребительная психика делает дворянина органически неспособным к рациональному хозяйствованию. У него нет «уменья считать».

Едва ли стоило и стоит первопричину нерациональной постановки помещичьего хозяйства видеть в «неумении считать».

В этой статье, относящейся к 1905 году, не поставлены еще некоторые точки над и.

В очень хорошей статье «Классовая основа политических партий» автор ставит вопрос о помещике и его государстве уже в плоскость социально-экономического анализа. Мы считаем нелишним привести следующую цитату с блестящей диалектической характеристикой социального содержания российского царизма:

«Согласно довольно распространенному представлению, современное правительство есть «правительство дворян, крепостников-помещиков». Поскольку такими выражениями хотят определить личный состав, историческое происхождение современного правительства, они довольно точно обрисовывают положение. Но поскольку это определение правительства должно характеризовать направление деятельности старого государства, оно становится неверным, неточным; оно делает невозможным понимание классовой основы наших политических партий. Крепостническое государство безвозвратно погибло. 19 февраля 1861 года было констатированием этого факта. И характерно то обстоятельство, что обряд погребения совершало само правительство. Уже из этого видно, что даже для того времени определение нашего правительства как дворянско-крепостнического было бы неверно. Уже тогда носителями государственной власти были не чистые крепостники, а дворяне,

втянутые в капиталистический оборот, вынужденные считаться с требованиями буржуазного развития, в известной степени обуржуазившиеся помещики.

Иначе оно и быть не могло. Крепостническое сословие, встретившись с развивающимися капиталистическими методами присвоения, не могло не вкусить плодов от древа капитализма, а вкусив и признав их сладкими, оно постаралось сочетать крепостнические, феодальные способы эксплуатации с капиталистическими, буржуазными, и, таким образом, утратило первобытную крепостническую чистоту и невинность.

Точно так же крепостническое государство с развивающимися буржуазными отношениями, поставленное в мир капиталистических международных отношений, неизбежно должно было ввести буржуазные элементы в свою деятельность. Таким образом, об'ективные условия, требовавшие несколько иного содержания от государственной деятельности, слагались от государственной деятельности, слагались одновременно с суб'ективными условиями такой перемены,—с преобразованиями в психике дворянского сословия, носителя государственной власти» (стр. 167).

Меньшевик Дан, в своем сборнике «Общественное движение в России в начале XX века» характеризовал самодержавное государство, как беспочвенное «надклассовое» образование, не имеющее социальных корней в современных классах российского общества. У Дана эта точка зрения выявлена необычайно выпукло.

С таким пониманием самодержавия у меньшевиков была связана концепция о возможности вовлечения в революционную борьбу всех классов общества. Наоборот, понимание капиталистической эволюции самодержавного государственного строя логически увязывалось с признанием нереволюционности российской буржуазии, уже начавшей увязываться в царистскую государственную систему и усиливать свое влияние на политику самодержавного государства. В статье «Классовая основа политических партий» т. Степанов дает ответ и на вопрос о том, что из себя представляют по своей социальной сущности партии октябристов и к.-д.

«В нашей литературе, как меньшевистской, так отчасти и большевистской, довольно распространено представление об октябризме, как об организации крупной буржуазии преимущественно промышленной. Такое представление удобно для меньшевизма с его воззрениями на к.-д. партию, как на демократическую партию. Раз буржуазия будет использована на построение Союза 17 октября, из постройку к.-д. партии не остается достаточного материала, ее приходится порождать от «демократической мелкой буржуазии...» (174 стр.).

Выступая, таким образом, против меньшевиков, тов. Степанов квалифицирует и октябристов, и к.-д., как партии буржуазные, но разных слоев буржуазии.

«Союз 17 октября — организация буржуазного периода первоначального накопления. Но ведь и «самодержавная бюрократия»—правительство периода первоначального накопления... Разница между ними лишь та, что в октябристе сильнее говорит капиталистическая дума, в «самодержавном же бюрократе»—феодальная дума. Один больше считается с капиталистическим настоящим, другой более подчиняется воспоминаниям феодального прошлого» (стр. 177).

В кадетской партии даже некоторые видные большевики в начале революции видели организацию радикальной интеллигенции, не усматривая ее классово-буржуазных корней. Тов. Степанов совершенно правильно разграничивает к.-д. партию от октябристов следующим образом:

«Конституционно-демократическая партия, это—политическое представительство «чистой» буржуазии, которая стремится отсечь от капиталистического способа производства докапиталистические придатки и надеется в «свободной конкуренции» вытеснить октябрьскую буржуазию» (181 стр.).

В ряде предшествующих статей автор возвращается к характеристике русской буржуазии и ее партиям, доказывая, что даже «чисто буржуазная» к.-д. партия является далеко не революционной.

В прекрасном ответе Плеханову (см. ст. «Издалека»), связывающему политику пролетарской партии с либеральной буржуазией, опираясь на опыт прежних революций и на мнения Маркса и Энгельса о роли буржуазии в революции с сильным пролетариатом,—тов. Степанов, обращаясь к особым условиям российской революции 1905 года, выясняет, насколько Плеханов не дооценивал роль пролетариата как гегемона революции и переоценивал революционные потенции российской буржуазии.

Особенное возмущение—выраженное по условиям внутрипартийных отношений довольно сдержанно—у автора возбуждает Плехановское «Не надо было начинать», сказанное по поводу московского вооруженного восстания в 1905 году.

В этюде «О свободе конкуренции» вскрываются экономические пружины буржуазного либерализма; в статье «Конфискация или выкуп» дается недурная критика кадетского проекта земельных преобразований и его нереволюционности (кадеты стояли за выкуп отчуждаемой земли, при чем размеры выкупа—по сути дела—должны были, согласно проекта, определять сами помещики).

Ликвидатору Череванину по заслугам достается в статье: «Самим бороться—или уповать на либеральных буржуа». Здесь дается критика меньшевистской позиции избирательного соглашения с кадетами.

Когда Плеханов стал обосновывать этот оппортунистический лозунг соглашения с кадетами, тов. Степанов выступил против него еще раз (См. «О новом повороте Плеханова»).

Здесь отказ Плеханова от революции выявлен уже с необходимой категоричностью.

«Левые и крайние левые партии должны выставить общую избирательную платформу, т.-е. в центре избирательной борьбы должны поставить такое требование, которое обще им всем, и это требование выражается Плехановым в двух словах: полновластная дума.

Плеханов уверяет, что эта формула, именно потому, что она общая формула, позволяет всем партиям сохранить всю полноту всех остальных своих политических и социальных требований. Пусть каждая партия разумеет под полновластной думой совершенно различные вещи. Название этих вещей для всех одинаково, и потому кадет с чистой совестью может голосовать за социал-демократа, а социал-демократ—за кадета» (стр. 126).

Из этих положений меньшевика Плеханова, большевик Степанов справедливо делает следующий вывод.

«Согласиться с Плехановым—это значит отправить на смарку весь тяжелый исторический опыт, вычеркнуть всю работу социал-демократии, вытравить из памяти пролетариата все, что он выстрадал на протяжении последних двух лет...» (стр. 127).

Вопросу о выборах в Думу и политике партии в отношении Думы посвящены следующие статьи сборника: «К вопросу о блоках и соглашениях», «Выборы депутатов в Москве», «Вторая Дума», «Либеральный обыватель и всеобщее избирательное право».

Тов. Степанов, как и вся большевистская партия в период первой российской революции стоял на точке зрения бойкота 1-й Государственной Думы. Это нашло некоторое неизбежное отражение и в соответствующих статьях автора.

В этой области необходимо внести некоторый корректив.

В «Детской болезни левизны» тов. Ленин писал по этому поводу:

«Ошибкой, хотя и небольшой, легко поправимой, был уже бойкот большевиками «Думы» в 1906 году». В примечании к этому положению тов. Ленин пишет:

«К политике и партиям применимо—с соответственными изменениями—то, что относится к отдельным людям. Умен не тот, кто не делает ошибок. Таких людей нет и быть не может. Умен тот, кто делает ошибки не очень существенные, и кто умеет легко и быстро исправлять их».

Некоторые товарищи полагают, что вышеприведенное замечание было продиктовано нашему вождю тактическими соображениями. Это, конечно, неверно[1]). Большевики держали в 1906 году курс на углубление и расширение революции; но этому курсу отнюдь не противоречило участие в выборах в 1 Госуд. Думу.

В этот период вполне целесообразно было сочетать нелегальные методы революционной работы с легальными; можно было подготовлять вооруженное восстание, имея одновременно своих представителей в Государственной Думе.

Следует только жалеть о том, что большевики не имели в первой думе достаточно сильных, ярких своих представителей.

Трудовики тяготели к социал-демократии, и если бы места закавказских меньшевиков в Думе были заняты большевиками, то революционная смычка пролетариата с крестьянством была бы более прочной, чем она была на самом деле.

Чрезвычайно характерно, что коммунистическая партия даже после захвата власти сочла возможным и целесообразным разрешить открытие Учредительного Собрания.

В этот исторический день представители революционного пролетариата потребовали от эсеровского большинства Учредилки признания октябрьских завоеваний; эсеры отказались их признать, и это дало нам в руки сильное оружие против эсеров и Учредилки в агитационной работе среди крестьянства.. Так наша партия даже в условиях уже совершившегося захвата власти использовала «парламентские возможности». Участвуя в первой Думе, мы получили бы лишь новую легальную возможность революционных выступлений; участие было бы плюсом для революции, а не минусом.

В полосу между первой революцией и войной тов. Степанов написал статьи: «Капитал и газеты», где выясняются физиономия и роль буржуазных газет, «Сергей Андреевич Муромцев», блестящий политический некролог, и «Товарищества мелкобуржуазных производителей», экономический этюд с критикой кооперативного утопизма. К непосредственно предвоенному периоду относится хорошая пропагандистская статья теоретико-экономического характера «Империализм».

В обстановке сильного оживления революционного рабочего движения в России, автор выступил с обобщающей статьей: «Экономика и политика в рабочем движении», в ряд положений которой, впрочем, история последнего периода требует внести существенные поправки.

[1]) Автор рецензии должен сознаться, что в своей книге „Классовые противоречия в I Госдуме“, написанной в 1922 г., он сам в этом вопросе стоял на неверной точке зрения.

Социал-патриотизм Плеханова встречает со стороны автора обличение в статье «О единстве и «единстве».

Последняя статья сборника подвергает разбору вопрос «О парламентском бюро» в Государственной Думе.

Таким образом, основные моменты классовой борьбы в России, нашли надлежащее отражение и большевистское преломление в статьях тов. Степанова. В силу этого необходимо настоятельно рекомендовать этот сборник вниманию изучающих историю большевизма.

А. Слепков.

„Антимарксизм" [1]).

Проф. А. Мизес, как теоретик фашизма.

Венский профессор Людвиг Мизес очень сердитый и очень не любит Маркса и марксистов. Между нами говоря, совершенно напрасно, ибо, если бы не марксизм, то нашему профессору, ничем себя в науке не проявившему, пришлось бы побираться по свету. Сокрушение марксизма занятие хлебное.

«Наука т.-н. марксистов —заявляет Мизес —только схоластика». С величайшим пренебрежением Мизес говорит о «мужчинах и женщинах, занимающихся этим делом». Они толкут воду в ступе, живут только канонизированными догмами Маркса, их писания имеют значение лишь, поскольку способствуют политической карьере их авторов, их «наука» преследует только партийные цели, весь спор о ревизионизме, о диктатуре не научный, а чисто-политический спор.

Так сердито отзывается Мизес о марксистах. Но несколько дальше Мизес попадает в неприятное положение. Оказывается, что корифеи немецкой буржуазной науки, историческая школа в политической экономии и т.-н. катедер-социалисты, многое заимствовали у Маркса. Их ругать Мизес не решается. С прискорбием душевным он цитирует слова профессора Шмоллера, что школа сторонников Адама Смита превратилась в «одностороннее классовое учение» и что «социализму нельзя отказать в праве на существование, нельзя также оспаривать некоторые благие результаты его». С неменьшим прискорбием Мизес цитирует также слова Энгельса, что теория процента профессора Лексиса лишь передает другими словами теорию Маркса.

Зато весь гнев Мизеса обрушивается на учеников Шмоллера, на целое поколение в немецкой буржуазной науке. Он не называет имен. «Это поколение не слушало в университетах лекций по теории политической экономии; оно знало классиков только по имени, знало о них только, что они преодолены Шмоллером. Лишь очень немногие из них имели когда-либо в руках Риккардо или Милля, а тем паче читали их. Но Маркса и Энгельса они читали, должны были читать; к этому их вынуждала необходимость препекаться с все усиливающейся социал-демократией. Они писали книги для опровержения Маркса..., они отвергали самые крайние политические требования Маркса и Энгельса..., но переняли в смягченной форме их теории... Для этого поколения Маркс был самым выдающимся теоретиком в политической экономии».

Долго еще фыркает сердитый профессор. И, наконец, находит утешение в том, что нынешнее поколение, «ученики учеников» (Шмоллера), отказались от Маркса. Речь идет, конечно, о буржуазной науке. Создалось новое течение, антимарксизм, о котором с восторгом и повествует Мизес. Австрийская школа, Бем-Бавек и др., показала, «как ничтожна и неважна роль Маркса в истории политической экономии». От себя Мизес утверждает еще, что «то немногое, которое может считаться правильным в учении Маркса об обществе, несравненно глубже схвачено Тэном и Боклем; а учение об отмирании государства «вообще не представляет никакого интереса для науки» (1). Моська лает на слона. Мизес, пока не называет представителей этой школы «антимарксизма». Но надо читать между строк: профессор по скромности себя не называет.

Какую лепту внесла эта новая школа в науку? Что дает Мизес? Он проповедует «утилитарную социологию» и заявляет, что «тот успех, который имело в Германии учение Маркса об обществе, об'ясняется тем, что утилитарная социология 18-го века была отклонена немецкой наукой». Недурно, не правда ли? Впрочем, Мизес, надо отдать ему справедливость, вкладывает свой собственный смысл (или бессмыслицу) в эту допотопную «утилитарную социологию». Смысл этот — гармония интересов. Общество построено на разделении труда, а поэтому в нем не может быть противоположных интересов. Это общее место, к тому же неверное, ошибочное. Мизес, для пущей важности, облекает его в гелертерскую абракадабру: «утилитарная социология исходит, отказываясь от всякой метафизики, из того опытного факта, что всему живому присуща воля к утверждению жизни и увеличению жизненных энергий». Это ли не метафизика? Тут же ссылка на Ад. Смита, что даже слабости человека «не без своей пользы», сравнение Смита с Кантом, и все это для откровения, что частная собственность лежит в интересах всех членов общества. Попутно такое ребяческое невежество, как утверждение, что, «чем более растет разделение труда, тем реже становятся внешние войны и внутренние (гражданская война, революция). А торговые войны капитализма? А вся история капитализма?

А вот еще перл. Почему борьба должна вестись только между классами, а не внутри классов? Мизес уверен, что имеет здесь козырь против Маркса. Раз нет борьбы внутри класса, то ее не может быть и вне класса. «Не возможно найти такой принцип ассоциации, который действует только внутри данной коллективной группы, но не вне ее». Конечно, это совершеннейший абсурд. Рабочий класс связывают вполне определенные, конкретные интересы, а не какой-то туманный принцип ассоциации. «Логически продуманная до конца борьба классов является не учением об обществе, а теорией необщительности, т.-е. борьбы каждого против всех». Этот шедевр Мизес берет у Пауля Барта (Die Philosophie der Geschichte als Soziologie, 3 Aufl, 1922). Так вот кто духовные сподвижники Мизеса по «антимарксизму»! Один другого стоит. Этот Пауль Барт имеет вполне заслуженную известность нудной, безнадежной посредственности. И еще одного «ученого» того же калибра и пошиба цитирует наш сердитый профессор: Отмара Шпанна (Der wahre Staat, 2 Aufl. 1923; Klasse und Staat, Handwörterbuch des Staats, 1923). Этот Шпанн является уже совсем откровенным «ученым» от фашизма, духовным лидером «национального социализма». Он одного поля ягода с неучем Гитлером и филологом-историком Освальдом Шпенглером [1]). Шпанн, одно существование которого является красноречивым доказательством классового характера не только самого обще-

---

[1]) Antimarxismus. Von Prof. Ludwig Mises. „Weltwissenschaftliches Archiv" 1925.

[1]) Автор кн. „Закаты Европы", являющийся в политике от'явленным черносотенцем и убежденным фашистом.

ства, но и науки, заявляет, что Маркс не дал научного определения и разграничения понятия класса, что понятие «классовый интерес», «классовое положение», «классовая борьба», «классовая идеология» неточны и неопределенны. Мизес добавляет, что 3-й том «Капитала» прерывает как раз на том месте, которое должно было трактовать о классах. Тем не менее, как с горестью замечает Мизес, «понятие класса стало краеугольным камнем современной германской социологии». «Зависимость от Маркса является особым отличительным признаком германской науки об обществе. Правда, марксизм оставил следы также в социологическом мышлении Франции, Англии, Соед. Штатов, Скандинавских государств и Голландии». Так сетует Мизес. Очевидно, дела «антимарксизма» обстоят не блестяще. Духовный жандарм буржуазии, Мизес за неимением аргументов, просто-на-просто аппелирует к интересам буржуазии. Тоже наглядное «опровержение» учения Маркса о классах.

Но «антимарксизм» оспаривает «не социализм, а только марксизм». И Мизес после своей «сокрушительной» критики дает и положительную часть. Она озаглавлена у него: «Национальный (антимарксистский) социализм». Итак, старые знакомые: «национальный социализм», «национально-социальное» течение тех же Гитлеров, и т. п. Все это Мизесом об'единяется под знаком фашистского движения.

Здесь мы имеем перед собой, так сказать, первую теоретическую попытку обоснования немецкого фашизма. Пока что, она представляет у Мизеса больше смесь путаницы курьезов и противоречий, но лиха беда начало. Мы сейчас увидим, что противоречия, в которые запутывается Мизес, не только забавны, но в известном смысле также симптоматичны и характерны.

Немецкие «этатисты» (государственники) — так почему-то Мизесу угодно называть представителей немецкой науки об обществе, попавших в плен к Марксу — «видят в современном империализме стран Антанты то же самое, что марксисты: порождение капиталистического стремления к экспансии». Это, очевидно, не нравится Мизесу. Однако, только в том смысле, что он первичным фактором считает национальную ненависть. Мизес, теоретик фашизма, возводит национальную ненависть в перл творения. Вот его «теория»: «Марксистский социализм возвещает: борьба классов, но не борьба народов, долой империалистическую войну! Но возвещая это, он в мыслях прибавляет: но всегда (!) гражданская война, революция. Национальный же социализм возвещает: единение народа, классовый мир; но при этом прибавляет к мыслям: война внешнему врагу». Итак, гром победы раздавайся...

Однако, в это гелертерски симметричное построение мировая война пробила брешь. Мизес в одно и то же время проповедует фельдфебельскую, Гинденбургскую психологию и желал бы использовать уроки поражения. «До сих пор, говорит он, германская наука и практика возвещали исключительно принцип силы и борьбы. Применение этого принципа на деле изолировало германский народ во всем мире и повело к нашему поражению в великой войне». И хочется, и колется. И вот Мизес признает, что «насильственное решение национальной проблемы менее всего может удовлетворить германский народ». Мизес, однако, считает, что один принцип самоопределения народов не может помочь там, где немцы живут в перемежку с другими народами и являются меньшинством (среди датчан, литовцев, поляков, чехов, мадьяр, кроатов, словенцев, итальянцев и французов). Приходится искать союзников и коалиций. И вот Мизес приходит к совершенно неожиданному и сногсшибательному для фашиста заключению: «Германский антимарксизм и русский сверхмарксизм не очень далеки от политики взаимного соглашения и союза».

«Только одного союзника Германия может найти в таком поло-
жении, а именно Россию, которая встречает со стороны поляков, ли-
товцев и мадьяр, а в некотором смысле также и чехов, такую же вражду,
как Германия, и нигде не приходит в непосредственное столкновение
с германскими интересами». Мизес заверяет, что «большевистская Рос-
сия, точно так же как царская, знает для решения национальной про-
блемы только политику силы». Этот абсурд и клевета не является
оригинальным измышлением Мизеса, сказки про наш «красный империа-
лизм» процветают в буржуазной Европе; но как совместит Мизес в таком
случае союз с Россией с только-что провозглашенным им отказом от
насильственной политики, это остается его секретом. Забавно также
следующее: попытки связать германский «антимарксистский национа-
лизм», сиречь фашизм, с итальянским антимарксистским национализмом,
т.-е. фашизмом, и с шовинизмом «пробуждающихся мадьяр» не целе-
сообразны, по мнению Мизеса, так как национальные интересы немцев
приходят в конфликт с итальянскими в Южном Тироле и с мадьярскими
в Западной Венгрии.

Мизес имеет и здесь, в национальном вопросе, свой «теоретический»
козырь против Маркса. Это—вопрос об эмиграции. Для немцев он счи-
тает его весьма существенным и возмущается, что во всей довоенной гер-
манской литературе нет сочинения, трактующего об ограничениях и за-
претах иммиграции. «Ничто так не характеризует марксистское запусте-
ние литературы по общественным вопросам». Мизес ссылается также на
конгресс II Интернационала в Штуттгарте в 1907 г., где по вопросу о до-
пущении иммиграции цветных рабочих принята была компромиссная ре-
золюция, при чем представитель Австралии заявил, что большинство та-
мошней рабочей партии является противником этой иммиграции и т. д.
Мизес распространяется на ту тему, что профсоюзы в Соед. Штатах
ведут «классовую борьбу» не против своих предпринимателей, а против
европейских рабочих и негров. При этом он умышленно закрывает глаза
на то, что это профсоюзы желтые, гомперсистские, антимарксистские, что
Коминтерн и Профинтерн ставят во главу угла именно интернациональ-
ную солидарность рабочих всех народностей и всех рас и придают особо
важное значение именно народам Востока. Мизес представляет дело
так, будто весь социальный вопрос коренится ныне в возможности сво-
бодной эмиграции, а у себя дома, на его немецкой родине все обстоит
благополучно в этом отношении. На самом же деле у него эмиграция
служит только каналом для проведения экономических интересов гер-
манской буржуазии, хотя он и облекает ее в одежды «национального со-
циализма». Маркс неопровержимо показал зависимость законов роста
населения от экономического строя; перенаселение Германии, заставляю-
щее ее стремиться в колонии и пр., есть чисто-капиталистическое пере-
население, результат капиталистической эксплуатации, и фразы Мизеса
должны лишь скрыть реальную подоплеку: больное ущемление империа-
листских интересов германской буржуазии исходом мировой войны. Итак,
«национальный социализм» Мизеса, его социализм без марксизма, лишь
маска для прикрытия классовых интересов буржуазии. Здесь тоже «анти-
марксизм» является лишь лишним подтверждением марксизма. Кстати,
куда девалась здесь хваленая «утилитарная социология» Мизеса, его
теоретическая тяжелая артиллерия? Его «гармония интересов», оказы-
вается, существует только в национальном масштабе, между предприни-
мателями и рабочими одной нации, но в интернациональном масштабе
даже рабочие идут против рабочих—так, по крайней мере, утверждает
Мизес на основании практики желтых союзов Гомперса, его «рабочей
аристократии», плода империализма.

Так или иначе, Мизес уверяет, что «насильственное разрешение национальной проблемы теперь еще менее целесообразно, чем в Германии Вильгельма». Фашист в роли миротворца, это ли не зрелище для богов? Но ларчик просто открывается, Мизес сам вскрывает свои карты. В Чехии—говорит он—немецкому меньшинству приходится бороться за демократию и свободу от вмешательства государства в экономическую жизнь; точно так же в других государствах, где немцы в меньшинстве. Как же, откровенно признается он,—совместить это с насильственной политикой в самой Германии!

Мизес находит также недостатки в новейшем «антимарксизме», довольно анемичном и тщедушном. Представители антимарксизма—говорит он—довольствуются тем, что критикуют политические выводы марксизма, но оставляют в силе социологическую доктрину марксизма. Кто эти представители? Мизес опять-таки называет только Шпанна. Да простится нам вульгарный каламбур: вся шпана немецких фашистов нашла своего «теоретика» только в этом одном Шпанне. Этот Шпанн, видите ли, нападает на марксизм, как на «чуждый немецкому духу продукт индивидуализма Запада» (Между прочим, с каких это пор Германия стала Востоком?). Мизес находит, что эти нападки и отождествление марксизма с либерализмом и индивидуализмом вытекают только из политических соображений, а именно из вражды Шпанна к либерализму. «Не годится, говорит Мизес, на том основании, что борешься против либерализма и социал-демократии, создавать внутреннюю связь между ними». Мы оставляем здесь в стороне то, что Мизес, в свою очередь, отождествляет социал-демократию с марксизмом и еще не убедился в полной безвредности социал-демократии. Но очень характерно это стремление Мизеса примирить демократию (либерализм) с фашизмом. Мы отчасти наблюдали и наблюдаем тот же процесс в Италии. Как чисто буржуазное движение, фашизм, нуждается в либерализме: скорпионы для рабочих, а либерализм для буржуазии, поскольку она не отказывается от него для протекционизма и интернационализма государства.

Мизес и Вернер Зомбарт—два воинствующих Аякса «антимарксизма». Но Мизес не доволен Зомбартом. Он считает, что Зомбарт, «первый познакомивший германскую науку с Марксом», все еще находится в плену у последнего. Очень поучительно, что Мизес говорит о тайных симпатиях Зомбарта, которые надо читать у него между строк. Оказывается, что Зомбарт мечтает о средневековье и аграрном государстве. Он враг современного индустриализма, враг «железных дорог и фабрик, доменных печей и машин, телеграфных проводов и мотоциклеток, граммофонов и аэропланов, кинематографов и силовых станций, литой стали и анилиновых красок». Мизес приводит эту цитату из Зомбарта, как перечень того, в чем социалистическая критика «еще ни разу не обвинила капитализма». Зомбарту литая сталь и анилиновые краски, повидимому, не угодили... Замечательно, что «для Шпанна, вождя националистического антимарксизма, социальным идеалом тоже является возвращение к средневековью». Это признание Мизеса весьма любопытно. Дела в его лагере обстоят совсем печально; «теоретики» немецкого фашизма, очевидно, просто-на-просто не совсем здоровые люди. И Мизес упрекает Зомбарта в «болезненной слабости нервов», в неумении сохранить свое душевное равновесие и среди граммофонов и аэропланов. А ведь Зомбарты и Шпанны именно налегают на тевтонскую силу и крепость; Мизес бьет их в самую точку. Он бьет их со стороны их же фельдфебельской психологии указанием на то, что без доменных печей и аэропланов Германия окажется бессильной перед внешним врагом. Зомбарт мечтает о «допролетарской утопистике» с ее «буколическим» характером; Мизес

отвечает ему, что буколическое аграрное государство в наше время должно распроститься с мечтой о господстве. Так или иначе, в консерватизме Зомбарта и Шпанна сказывается ретроградный идеал прусского помещика-зубра. Мизес вносит «поправку» от лица буржуазии с ее империалистскими тенденциями.

Мизес попрекает своего соратника Зомбарта, что в его двухтомной книге в тысячу страниц («Пролетарский социализм»), 10-м издании его брошюры от 1896 г., слинявшей с тех пор из Павла в Савла, «не дается даже определения понятия социализм». Спор за социализм Зомбарт понимает не только как спор за «экономическую технику», а чуть ли не как спор за бога или сатану. Социализм, по Зомбарту, желает, чтобы источник всего зла в мире, «деньги снова были брошены в Рейн, как кольцо Нибелунгов». Эти жалкие фразы, могущие импонировать разве студенту-фашисту, вызывают со стороны Мизеса горькие упреки, что Зомбарт выступает не вообще против социализма, а только против пролетарского социализма, против марксизма. Но ведь сам-то Мизес тоже сторонник «национального социализма»... Противоречий и путаницы здесь не оберешься. А еще несколько далее Мизес находит у Зомбарта признание, что социализм соответствует именно интересам пролетариата. Борьба против «пролетарского социализма» оказывается гиблым делом, а сам Зомбарт бессознательным марксистом. Это утверждает Мизес как хранитель антимарксистской чистоты нравов. В самом деле: Зомбарт требует преодоления классовой борьбы этикой и религией, но в таком случае—заявляет Мизес—значит, Зомбарт признает классовую борьбу существующей... В результате Зомбарту приходится апеллировать к богу, но уже скорее исповедь, чем наука (не Erceпntnis, а Bekenntnis), и убедительной силы не имеет. Так Мизес развенчивает Зомбарта, чтобы сохранить за одним собой лавры действительного «антимарксиста» и теоретика фашизма.

Ф. Капелюш.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ.

К оценке китайских событий.

(По поводу рецензии А. Ивина).

Появление каждой новой книги автора этих строк о Китае неизбежно вызывает «ругательную» критику А. Ивина. Так было в отношении первой книги «Мировой империализм и Китай». Можно было предсказать ж е л ч н у ю брань того же критика и в отношении второй книги: «Китай в борьбе за независимость», несмотря на то, что книга вызвала одобрительные отзывы «Правды», «Известий ЦИК'а», «Книгоноши», «Зари Востока», и несмотря даже на то, что большинство очерков, помещенных в книге «Китай в борьбе за неезависимость», появилось в течение 1922—24 г. на столбцах «Нового Востока» и «Международной Жизни» и «своевременно» не вызвали «благородного» гнева А. Ивина, И сейчас нетрудно предсказать, что на вновь выходящие работы: «Китай в борьбе с мировым империализмом» и «Народное хозяйство Китая» появятся «лютые», «уничтожающие» заметки.

Все недоброкачественные приемы этого критика можно было бы попросту оставить незамеченными, если бы не попытка А. Ивина извратить смысл крупнейших исторических событий, бросающих свет и на нынешнюю революционную эпоху и борьбу народных масс в Китае.

1) А. Ивин возражает против характеристики Китая, как колонии капиталистических государств и в частности возражает против нашего утверждения, что еще накануне боксерского восстания из 18 провинций Собственно—Китая 13 находились под контролем иностранцев. Напомним критику, что 90-е годы были эпохой раздела Китая и завоевания его «путем банка и железной дороги». В этот период было осуществлено деление Китая на «сферы влияния». Борьба капиталистических государств против Китая накануне боксерского восстания привела к тому, что все приморские провинции Китая—Гуан-дун, Фу-цзянь, Джэ-цзян, Цзян-су, Шань-дун и Чжи-ли—были втянуты в товарооборот с капиталистическим хозяйством на условиях колониальной эксплуатации Китая. Напомним также «ученому» критику, что долина Ян-цзы-цзян, т.-е. провинции—Ань-хуэй, Ху-бэй, Цзян-си, Ху-нань, Сы-чуань—была об'явлена районом «специальных прав» Англии в награду за расправу над Тайпинским восстанием. Та же Англия распространяет свое влияние из Бирмы и вообще из Индии на провинцию Юнь-нань, а капиталистическая Франция—на южную часть провинции Юнь-нань и на провинцию Гуан-си. Итого—13 провинций. Накануне боксерского восстания были еще мало задеты иностранным капиталом провинции Северо-Западного Китая по преимуществу. Имели ли мы право на основании бесспорных исторических

фактов, известных каждому китайскому школьнику, утверждать, что более $^2/_3$ собственно—Китая были переведены на положение колоний? Да, имели, если к тому же вспомнить, что взаимоотношения между Китаем и мировым империализмом развиваются в условиях пассивного баланса Китая, расхищения его сырьевых богатств и разорения его производительных сил.

В чем «гипербола» из вежливости? Не в том ли, что А. Ивин «преуменьшает» не в интересах об'ективного положения вещей эксплуататорскую роль капиталистических государств?

2) Никакого противоречия нет между нашим утверждением о том, что $^2/_3$ Китая были об'явлены «сферами влияния» иностранного капитала до боксерского восстания, и нашим же заявлением о том, что после боксерского восстания «дипломатический корпус в Пекине претендует на роль фактического правительства Северного Китая». Самое боксерское восстание явилось стихийным протестом широких масс против грабежа Китая. Самое боксерское восстание подтверждает наш анализ взаимоотношений Китая с капиталистическими государствами накануне восстания.

Империализм шел от «победы» к «победе». Если до боксерского восстания он—под прикрытием разбойничьих договоров — диктовал свою волю н а р о д н о м у х о з я й с т в у Китая, то после расправы над восставшими крестьянами он к своим привилегиям присоединил вмешательство в п о л и т и ч е с к у ю жизнь Китая, в дела пекинского правительства. Кто же из нас «неверно толкует общеизвестные факты»: тот ли, кто в учете фактов берет процесс в его диалектическом развитии или тот, кто, как наш «ученый» критик, не только беспомощен в диалектике, но и незнаком с «общеизвестными фактами»?

3) Мы утверждали, что в условиях и обстановке 1924 г. в Китае выявились новые элементы, выражавшиеся в стремлении мирового империализма сохранить свое господство над сотнями миллионов крестьян и в угрозе собрать империалистический кулак на Дальнем Востоке. Это наше утверждение, на котором мы со всей решительностью настаиваем и сейчас, оспорено А. Ивиным. Ругательный критик тем самым отрицает попытку мирового империализма усилить свою интервенцию в Китае. Эта попытка была с отчетливой рельефностью выявлена мировыми хищниками именно в 1924 году и была отбита благодаря протесту широких масс—в первую очередь рабоче-крестьянских масс СССР, организовавшихся под лозунгом «Руки прочь от Китая».

«Ученый» критик, опровергая наше утверждение об «условиях и обстановке 1924 года», отрицает также, что центр тяжести мировой политики перенесен с берегов Атлантического на берега Тихого океана. Мы предоставляем А. Ивину полную возможность делать свои «оценки» вопреки упрямой логике фактов, но вынуждены констатировать, что «ученый» критик берет на себя неблагодарную задачу защитить мировой капитализм от «несправедливых» нападок, ибо только этот вывод можно сделать из отрицания А. Ивиным «условий и обстановки 1924 года».

4) А. Ивин попадает в особо-трудное положение, когда говорит об экономике Китая. В этой области у «ученого» критика не хватает ни знаний, ни метода распознания явлений. Мы утверждаем, что крестьянство в Китае не имеет своей земли, а является арендатором клочков земли. Это положение также относится к категории общеизвестных фактов. Работы доктора Франке, Евгения Симона, даже «Китайские Ежегодники» удостоверяют это обстоятельство с бесспорной наглядностью. Крестьянство в Китае безземельно. Против этого возражает А. Ивин. На каком же «ти-

туле» сидит на земле крестьянство в Китае? Каковы же были основные причины крестьянских восстаний, как не стремление создания земельного фонда в пользу крестьян? Статистические данные Китайского Министерства Земледелия и Торговли, на которые столь неосторожно ссылается беспомощный экономист А. Ивин, удостоверяют, что размеры аренды земли китайской семьей, состоящей в среднем из 5,5 душ, колеблются в пределах от 3 до 12 му (один му равен одной шестой англ. акра). И в этом случае А. Ивин защищает реакционную мысль, тем самым оспаривая возможность «подтягивания» резервов китайского крестьянства к китайскому пролетариату, ставшему лидером национально-революционного движения в Китае.

5) Совсем уж жалки «исследования» А. Ивина в области городского хозяйства. Наше утверждение о том, что в 90-х годах «нарождалось кустарно-ремесленное и мануфактурное хозяйство, требовавшее в своем дальнейшем развитии перехода к фабричному станку», А. Ивин подверг «уничтожающей» критике. А. Ивин разоблачил свою «идеалистическую» школу, антимарксистскую по самой своей сущности. Для А. Ивина — кустарь в обстановке замкнутого родового хозяйства и кустарь в эпоху нарождающегося капитализма — однозначащие величины. Невежество А. Ивина в вопросах экономики сказывается прежде всего в том, что он не видит проблемы рынка, являющегося условием развития капитализма. В нашем Союзе Республик каждый ученик школы 2-й ступени знает, что дифференциация крестьянского хозяйства ведет к созданию рыночных отношений. На первых этапах этого динамического процесса решающую роль играет кустарь, удобряющий почву для мануфактурной эпохи и машинного производства. Вот о каком «кустарно-ремесленном и мануфактурном хозяйстве» говорили мы, характеризуя эпоху 90-х годов. Развитие рыночных отношений предопределило развитие производительных сил в Китае, неизбежно приведших к Китайской революции 1911 года. Для А. Ивина—процесс развития необязателен. Мещанская «идеология» берет явления в застывших формах. А. Ивину вполне уместно было бы говорить о знакомстве с азбукой марксизма прежде всего в отношении себя самого. Врачу, исцелися сам. Если бы А. Ивин владел марксистским методом, он избежал бы тех «теоретических» шатаний, колебаний и ошибок, какими полон его «анализ» экономики Китая.

6) Говоря о гражданской войне в Китае, мы утверждали, что китайская революция не привела нового общественного класса к власти в Китае. Мы имели в виду, что революция 1911 года не вручила власти молодой китайской буржуазии. Это положение, совершенно очевидное, также было оспорено А. Ивиным, хотя этому утверждению «ученый» критик не противопоставил своего. Мы также утверждали, что контр революция не имела класса в Китае. Содержание гражданской войны составляет борьба социальных групп, военщины и бюрократии, некогда окружавших трон, ведущих ныне борьбу между собой за власть—в стремлении к единоличной диктатуре—пока не вырастет тот общественный класс, на который история возложила задачу освобождения Китая. Что же «опровергает» А. Ивин? Какую концепцию он выдвигает? Мы тщетно искали ответа на эти вопросы. Их нет. А. Ивин сам чувствует всю фальшь своих «нападок», когда он вспоминает о маньчжурском землевладении в Китае, ликвидированном революцией 1911 г., оставившей нетронутым и земельные отношения китайских крестьян к китайским собственникам.

А. Ивину трудно разобраться в причинах китайских событий. Он— весь во власти газетного описания событий. А. Ивину не дается анализ событий, ибо для этого необходимо владеть оружием марксизма. А. Ивину

чужда экономика, как база социально-политических явлений. «Ученому» критику надлежит еще предварительно изучить историю Китая. Тогда бы он, быть может, натолкнулся на эдикт эпохи «отречения» династии Маньчжуров, которым отмиравшая династия назначала Юань Шикая своим преемником. Тогда бы он, быть может, действительно изучил биографию Юань Шикая, который, несмотря на периоды «опалы и немилости» спас в эпоху «ста дней реформ» династию и вдовствующую Цзы-си в 1898 г. от «реформатора» Гуан-Сюй'я.

Китай переживает слишком серьезные и большие события, чтобы можно было бесцеремонно обращаться с фактами его революционной истории и экономики.

А. Е. Ходоров.

ОТ РЕДАКЦИИ. В № 9—10 журнала по недосмотру редакции выпало следующее примечание к статье тов. Богушевского.

Соглашаясь с первой частью т. Богушевского, где автор проводит теоретически правильную разграничительную линию между сельско-хозяйственным капиталистом и деревенским кулаком, редакция коренным образом не согласна со второй частью статьи, где автор отрицает наличие кулацких элементов в деревне и условий для их роста.

Редакция: В. Астров, Н. Бухарин, А. Каменев, А. Слепков, Е. Ярославский.

СОДЕРЖАНИЕ:

БОЛЬШЕВИК

№ 16

№ 16

1 СЕНТЯБРЯ

1925

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“